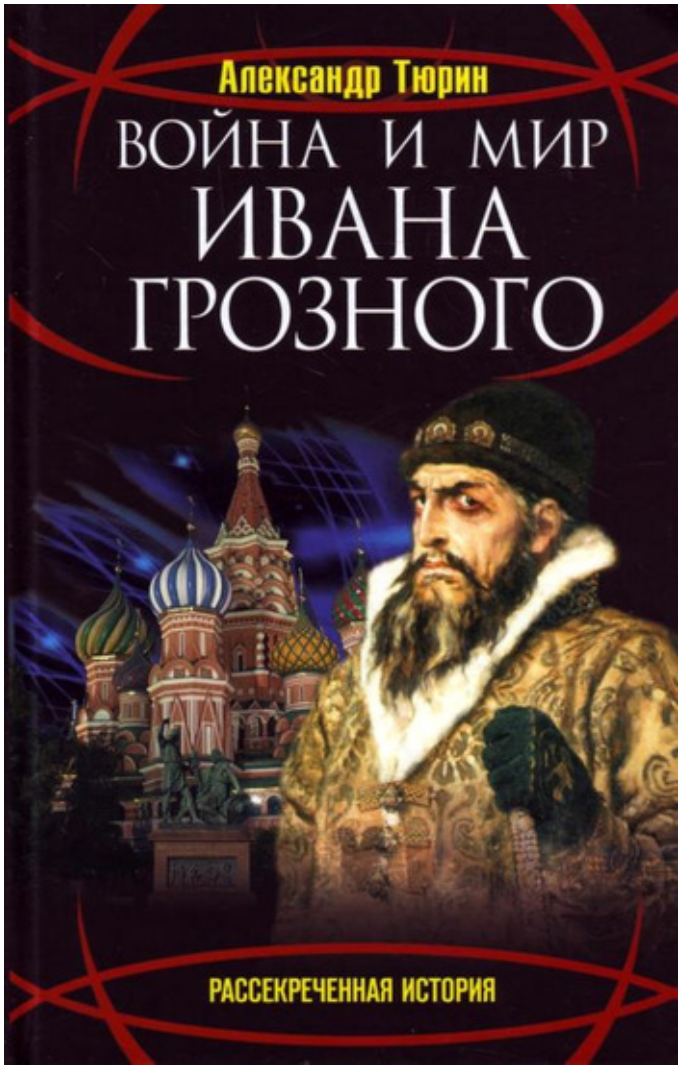
Александр Тюрин
ВОЙНА И МИР
ИВАНА
ГРОЗНОГО
РАССЕКРЕЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

Александр Владимирович Тюрин

Война и мир Ивана Грозного

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625785
Война и мир Ивана Грозного: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32093-6

Аннотация

В этой научно-популярной книге дан технократический взгляд на русскую историю 16 века. Холодный климат, бедные почвы, регулярные вражеские набеги, московские пленники, продаваемые на работорговых рынках соседних государств по бросовым ценам, изоляция от мировых торговых путей – этот клубок проблем сделал строительство сильного национального государства в России на порядок более тяжелым, чем в европейских странах. Но Иван IV справляется с этим, его волей и интеллектом в северной Евразии создано мощное государство, которого могло и не быть.

Содержание

Вместо введения. Первый во всём 4
Понять Россию умом. Природно-климатические условия страны, в которой правил Иван Васильевич Грозный 10
Почему Россия не… Мнения классиков 10
У кого энергия, у того прогресс. Гольфстрим 12
Русское государство и русская элита. Этапы большого пути 14
Русь Речная. Варяжская 14
Русь Лесная. Владимиро-суздальская 17
Главная особенность русского земледелия 22
Новгород 26
Русь Полевая. Московская 30
Европа XVI века. Переход к новому времени 39
Западная Европа 39
Центральная и Восточная Европа 44
Московская Русь Ивановой юности. Боярщина 46
Боярский вопрос 46
Происхождение Ивана 48
Бояре против великого князя 50
Боярщина и вражеские нашествия 53
Великая княгиня Елена. Тяжелая женская доля 56
Переход боярщины в смуту 58
Торможение смуты 63
Завершение смуты 65
Дней Ивановых прекрасное начало. Реформы 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Александр Тюрин
Война и мир Ивана Грозного

Да ниспошлет господь любовь и мир его душе страдающей и бурной.
А. С. Пушкин

Вместо введения. Первый во всём

Своим воцарением он остановил смуту, усобицу и череду вражеских нашествий.

За время правления он увеличил территорию страны больше чем в два раза. Земли, присоединенные им, являются нашими по сей день; их недра дают большую часть нашей природной ренты.

Он разрушил хищные рабовладельческие государства, мешающие крестьянскому освоению огромных пространств на востоке и юго-востоке.

Он организовал глубоко эшелонированную оборону южного пограничья, что позволило отнять у Дикого поля тысячи квадратных километров плодородной земли.

Он построил более семидесяти городов.

Он созывал представителей всех сословий и земель своей страны на всеобщие собрания; восстанавливал выборные органы самоуправления крестьянских и городских общин.

Он провел подлинную антифеодальную революцию, уничтожая привилегии родовой аристократии и феодальные «государства в государстве». Он вырвал с корнем феодальный сепаратизм, на многие столетия обезопасив страну от распада.

Он провел реформу землевладения, превратив вотчинников, самовластно владеющих огромными землями, в служилых дворян, обязанных защищать рубежи страны.

Он организовал правильную централизованную систему управления страной и привлек к нему даровитых людей из низших слоев общества.

Его трудами возникло постоянное войско, было положено начало артиллерии, как роду войск, и военному флоту.

Он боролся за выход страны к морям, к мировым торговым коммуникациям, за свободу торговли, против фактической блокады, установленной соседними государствами.

Он содействовал становлению торгово-промышленного класса, при нем начал складываться общенациональный рынок.

В церковной жизни его усилиями была утверждена выборность духовенства. При нем были заложены основы начального образования и социального обеспечения, организован выкуп пленных из вражеской неволи.

Он установил торговые и культурные связи с самыми высокоразвитыми странами того времени.

Он создал мультиэтническое, многоконфессиональное общество, где господствовала религиозная терпимость и этническая уживчивость.

Под его руководством страна выстояла в условиях войны на два фронта, против коалиции мощных военных держав, пользовавшихся поддержкой двух крупнейших империй. Фактически третьим фронтом войны являлись неурожаи и эпидемии чумы, а четвертым – предательство старой элиты, оставшейся от времен феодальной раздробленности.

Народ никогда не восставал против него, потому что в его замыслах фокусировались общественные чаяния, в его делах осуществлялись народные нужды.

Не зная его имени, всякий разумный человек сказал бы, какой мощный, интересный, умный правитель. Однако достаточно произнести его имя – Иван Грозный – и в воображении возникают плахи, топоры и такое прочее, а на заднем плане безумные глаза с картина Репина.

Он жил в жестокое время перехода от Средневековья к Новому Времени, время слома старой феодальной системы, когда весь мир был залит кровью, но число жертв его правления – и виновных и невиновных – было много меньшим, а то и вовсе микроскопическим по сравнении с числом жертв Карла Смелого и Людовика XI, Изабеллы Кастильской и Карла V Габсбурга, Франциска I и Генриха VIII Тюдора, Карла IX Валуа и Филиппа II, испанских конкистадоров и немецких инквизиторов, Елизаветы I и Оливера Кромвеля, герцога Шарля Эммануэля II и шведских генералов времен Тридцатилетней войны, имена которых помнят только историки.

Однако произнося «Изабелла» мы почему-то не рисуем в воображении сожженную на аутодафе плоть марранов и морисков. Слова «открытие Америки» не сочетаются у нас со словами «крупнейший геноцид». «Королева Елизавета» не соотносится с парусниками-слейверами, трюмы которых набиты неграми-рабами. Произнося «Кромвель», мы вовсе не представляем ирландские селения, заваленные трупами. Ходя по Лувру, мы вряд ли думаем о том, что отсюда руководили крупнейшими массовыми убийствами. Видя благообразные портреты Франциска I и Шарля Эммануэля II, мы не говорим себе, что эти милые люди вырезали от мала до велика всех «еретиков» Прованса и Пьемонта.

Наоборот мы рассуждаем о гуманизме, Ренессансе, знакомстве с кукурузой и картофелем, развитии предпринимательства и складывании мирового рынка. Мы говорим о прогрессе цивилизации, который идет, не взирая на давно обращенных в пепел «ведьм» и превращенных в удобрение «еретиков», на каких-то там индейцев и негров, которые, в общем-то, были людоедами.

Так, может быть, наше восприятие Ивана Грозного подвергалось длительной и целенаправленной обработке? И за этой обработкой стояли идеократические группировки, преследующие определенные политические цели?

Верное понимание эпохи Ивана Грозного неотделимо от осознания особенностей русского исторического пути. Может быть, пора наконец признать, что русский народ находился в иной внешней среде, чем европейские нации? Различия были очень велики и по природно-климатическим условиям, и плодородию почв, и по естественным коммуникациям. (Автору, пишущему эти строки на берегу Рейна, разница видна невооруженным глазом). И тяжесть среды гарантировала русским более стесненный, трудный путь развития, чем европейцам.

Более простые формы русского социума и более централистские формы его государственности, в сравнении с той же Европой, вытекали из меньшей естественной производительности русского сельского хозяйства. Вдобавок, русские занимали особое положение – между агрессивной Европой и кочевой Азией, между полями и садами Европы и степями Азии, между воинственным Западом и не менее воинственным Исламом. Русскому обществу приходилось постоянно жертвовать многообразием в пользу сплоченности и обороны.

Уверен, что когда нам удастся отмыть эпоху Ивана Грозного от многословного слоя гуано, изверженного псевдоисторической литературой, то мы увидим сложнейший период в биографии нашего народа, который нуждался в волевом стратегически мыслящем лидере и получил его. Собственно, тогда и было сформировано специфически русское «государство-нация», диалектическое единство, которое нельзя разрезать никаким скальпелем, не убив при том и государство, и нацию.

Эпоха Ивана Грозного неотделима от всего XVI века, который являлся осевым временем для всей человеческой цивилизации. Формально это было время, когда феодальная система разрушалась под под ударами централизованных государств и торгового капитала.

Но именно в XVI веке начался масштабный переход от доиндустриальной эры, длившейся десятки тысяч лет, к технологическому, машинному, индустриальному времени. Распалась связь времен, человеческое общество погрузилось в неустойчивое состояние творящего хаоса.

Прежняя устойчивость рушилась, высвобождая доселе связанную энергию и разрушая миллионы человеческих судеб. А новое состояние устойчивости было за горизонтом предвидения даже самого мощного ума. (Описания будущего, данные такими «провидцами» XVI века, как Нострадамус, Кампанелла и Томас Мор – как говорится, полный «отстой». Это либо экстраполяция в грядущее текущей возни английского и французского короля, либо реанимация античных представлений об идеальном состоянии полиса-государства.)

Устойчивость – состояние менее вероятное, чем хаос. Чтобы пробиться к ней, надо иметь волю и уметь использовать высвободившуюся энергию. И в этом переходе через хаос для человечества не было готовых путей. Ведь оно не развивается по программе, его развитие происходит в столкновении интересов миллионов индивидуумов и малых групп, тысяч больших групп, сотен наций, десятков цивилизаций. Жизнь – это борьба, насколько бы банально не звучал этот тезис.

Когда переход произойдет, человечество будет в гораздо меньшей степени зависеть от окружающей среды. Оно получит своего рода технологический метаболизм, обеспечивающий ему защиту от изменений внешней среды. Новый человек будет брать от внешней среды то, что ему нужно и когда ему нужно, извергая в нее отходы своей жизнедеятельности, но защищаясь от ее неблагоприятных воздействий. Будет построено общество всеобщего потребления и беспроблемного выделения.

В биологической эволюции это можно сравнить с переходом от холоднокровных (рептилий) к теплокровным животным (птицам и млекопитающим), более энергичным, подвижным, больше потребляющим и выделяющим, приспособленным к самых разнообразным условиям.

Во всем мире переход к Новому Времени оказался сложным, тяжелым, кровавым процессом.

Начался он в Западной Европе. И вовсе не потому что в Западной Европе живут люди высшего класса, более изобретательные, умные, свободные, с голубыми честными глазами и высоким лбом. Отбросим этот наивный расизм. Просто для вхождения в индустриальную эпоху именно у Европы сложились наиболее подходящие естественные условия: климат, география и т. д… Тогда как за четыре-пять тысяч лет до этого наиболее подходящие условия для перехода от неолитического общества к первым цивилизациям бронзового века сложились в долинах больших рек субтропического пояса – Янзцы, Инда, Ефрата, Нила.

Любая открытая система (биологическая, социальная, техническая) поддерживает свою устойчивость и организацию за счет увеличения дезорганизации и неустойчивости, т. е. энтропии, в остальном мире. Попросту говоря, для каждой развивающейся системы должна быть внешняя среда, которая обеспечивает это развитие.

Часто упускается из виду, что к внешней среде для социальной системы относится не только природа, поля, леса, недра, моря, животный мир, но и другие социальные системы. То есть люди.

Семьдесят-восемьдесят миллионов лет назад мелкие юркие млекопитающие, обладающих ускоренным обменом веществ, пожирали незащищенные яйца и приплод огромных рептилий.

Двадцать-тридцать тысяч лет назад кроманьонцы убивали и съедали (увы-увы) плохо организованных неандертальцев, своих конкурентов в охоте на крупных травоядных животных.

Процесс перехода человечества к Новому Времени сопровождался исчезновением или радикальным сокращением многих социальных групп и классов, например свободного крестьянства, монашества, аристократии.

Европейские страны, начиная с XVI века, превращают весь остальной мир в свою кормовую базу, «съедая» одну отсталую страну за другой. Сметаются барьеры, ограждающие общества с превалирующим натуральным хозяйством и слаборазвитым рынком. Утилизуются целые части света – Южная, Северная Америка, Африка, Южная Азия, Восточная Азия, Австралия и Океания.

Начиная с XVI века, западное общество создаст себе огромную периферию, обеспечивающую его дешевыми, а то и просто бесплатными ресурсами, принимающее излишки его населения и товаров.

Это выступало в виде принуждения к неэквивалентной торговле, пиратства, колониальных захватов, работорговли, плантационного рабства, а то и прямой зачистки территории от коренного населения, мешающего ее освоению.

Развитие Запада происходит за счет роста энтропии в окружающей среде, которая теряет сложность и многообразие, в которой десятками погибали культуры и цивилизации.

Индейцы карибского бассейна вымерли полностью уже через 25 лет после тесного знакомства с новым европейским человеком. Многочисленное индейское население Центральной Америки сократилось на девять десятых после прихода европейцев. Западная Африка стала на века заповедным полем охоты на людей, там исчезли города, не уступающие по численности европейским. Была разрушена цивилизация Индийского океана, цветущая от восточной Африки до Явы.

Но разрушение десятков культур, втаптывание многих народов в первобытное состояние, даст толчок к быстрому развитию Запада, создаст накопления, на основе которых начнется крупное товарное производство, вначале мануфактурное, а потом и индустриальное.

И полученные Западом технологические преимущества, будут использоваться им для дальнейшего усиления эксплуатации слабых социумов.

«В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса». Эти строки хорошего поэта, приключенческие книжки Саббатини, Хаггарта, голливудские пираты – вот и все, что осталось в массовом сознании от этой эпохи великих западных завоеваний. Победитель, естественно, определил, что должно выглядеть красиво.

Россия в XVI веке, по совокупности объективных условий, не относилась к лиге передовых государств, приступающих к утилизации остального мира. Напротив, и об этом часто забывают, она сама могла выступить в роли «внешней среды» и разделить участь Западной Африки или Центральной Америки. Внутриконтинентальная замкнутость «системы Русь» в зоне холодного климата, рискованного земледелия, уязвимых транспортных коммуникаций делала ее крайне неустойчивой к неблагоприятным воздействиям внешней среды, превращая ее в систему-донора, накапливающую энтропию. Оттого и задачи Ивана IV носили на порядок более тяжелый характер, чем у любого современного ему западного правителя. Развитие страны могло быть достижимо только в борьбе против стесняющих факторов, но борьба отнимала силы у развития.

Герой Льюиса Кэролла говорит о том, что надо бежать очень быстро, чтобы остаться на своем месте. В какой-то мере эти слова относятся и к Ивану Грозному. Ему надо было действовать быстро, потому что агрессивная внешняя среда отнюдь не ждала, пока у него всё получится – соседние страны хорошо зарабатывали на слабости России.

Ассирия, Персия Ахеменидов, Западная и Восточная Римская империи, тюркский каганат, империи Карла Великого и Чингисхана, Золотая Орда, государства инков, ацтеков и майя, империя индийских моголов, литовско-русское государство показывают нам примеры

мощных государственных образований, которые исчезли, потому что не успели найти новый тип устойчивости при резких изменениях внешней среды.

Если проводить биологические ассоциации, то они были огромными рептилиями с замедленным метаболизмом, оказавшимися беззащитными перед юркими хищными соперниками.

Сегодня на территории Центральной и Восточной Европы, обоих Америк, Азии, Африки найдется очень немного государств, сохраняющих прямую преемственность от государств и государственных образований XVI века (достаточно взглянуть на карту). Канули в лету бесчисленные царства, королевства, герцогства, племенные союзы и княжества. Были ассимилированы, а то и просто истреблены сотни народов и племен.

А единое государство Российское существует уже пять веков, занимая седьмую часть суши. И уже более тысячи лет на нашей территории существует в непрерывности русская культура, язык и церковь. «Единство» и «непрерывность». Это, кстати, не правило для исторической сцены. Мало кто задумывается о том, что герои французского эпоса говорили на самом деле по-германски, английская знать до XIV века понимала только французский, что большинство европейских народов пятьсот лет назад поменяло религию, что единой немецкой или итальянской нации всего лишь около 140 лет, что население современной Америки в массе своей не имеет отношения к доколумбовой эпохе ни по языку, ни по вере, ни по культуре.

В силу объективных причин (некоторых из них я коснусь дальше) Россия почти никогда не имела возможностей для легкого накопления сил и равномерного поступательного движения. Этим пользовались другие государства, да и нередко собственно российские элитные группы, которых вполне устраивала ее роль источника сырья и товаров с небольшой добавленной стоимостью. Та роль России, которая вела ее к исчезновению с мировой карты.

Индустриализация, переход к машинной технологической цивилизации, в России завершится только к середине 1950-х годов, столетием позже чем в Британии. Но в Китае, Индии, Иране, в большинстве латиноамериканских стран процесс индустриализации идет до сих пор, а на большей части Африки он фактически и не начинался. И при всей тяжкой исторической судьбе России, надо прямо сказать, что Китаю пришлось еще тяжелее.

Нам повезло, потому что на траектории нашего движения стояли своего рода «ускорители». И Иван Грозный был одним из них.

Если опять провести биологическое сравнение, то в 1547 бояре передали царю государство, напоминающее неповоротливого травоядного динозавра, где голове очень трудно управлять хвостом и ногами, и от которого юркие противники отрывают живые куски. И прежде чем добиваться ускорения метаболизма, надо было оснастить этого «динозавра» клыками, когтями и мощным панцирем, сделать голову ближе к хвосту и ногам.

Самым неприятным в исторической судьбе России оказались не трудности модернизационных скачков (первый из которых совершил Иван Грозный), а идеологическая слабость и зависимость ее элиты. Наша элита воспринимала западные страны, которые развивались легче, чем Россия, как страны высшего сорта, где живут более умные люди. Это восприятие от аристократов XVI и XVII веков передалось дворянской интеллигенции XVIII и XIX веков.

«**Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать**…», – писал писатель-сентименталист Карамзин, назначенный верховным историком российской империи. И хорошо, если бы заимствовали у «умных иностранцев» технические достижения (в конце концов и Запад много заимствовал у арабов и византийцев), однако мы брали оттуда примитивное расистское восприятие России и русских, как изначально неполноценного государства и варварского глупого народа.

К XXI веку страны-везунчики успели пройти прединдустриальную (торгово-колониальную), индустриальную, постиндустриальную фазы развития, накопили необходимые

средства и начали переход к информационному обществу, когда владение информацией важнее, чем обладание вещественными ценностями. Мы уже живем в фантастическом мире, где господство над информационными потоками и использовании мощных финансовых инструментов виртуального характера позволяет самой развитой стране, простите за сельскохозяйственное сравнение, «доить» почти весь остальной мир.

Сегодня, когда история должна стать естественной наукой и научно объяснять мир, как это делают физика и биология, она все больше превращается в информационно-пропагандистский инструмент. Он находится в руках политиков, обеспечивая их власть над умами, в угоду властителям информационного пространства штампует ярлыки – тут «жертва», там «палач», тут «отсталость», там «прогресс», тут «свобода», там «деспотия».

Такая «история» конструирует новые мифы с каждым новым сезоном политической моды. У такой «истории» будет много «историков» («псевдориков», если читатель позволит мне краткий неологизм). И, пусть мышление у них не научное, не имеющее отношение к историзму, они будут издавать книги, писать сценарии и выступать по телеку, потому что за такую «историю» хорошо платят.

История, как наука, сегодня находится в параличе, показывая все больший разрыв с естественнонаучными дисциплинами, хотя до середины XIX века они шли, можно сказать, вровень, и взгляды Гиббона и Бокля по «научности» ничем не уступали взглядам Ньютона и Ламарка.

Понять Россию умом. Природно-климатические условия страны, в которой правил Иван Васильевич Грозный

Почему Россия не… Мнения классиков

Каким-то общим принципом у псевдориков, со времен писателя-сентименталиста Н. М. Карамзина, является чрезвычайно узкое изображение эпохи Ивана Грозного, куда попадает только «биография» царя, причем сочиненная его прямыми недругами. Я же буду исходить из того, что Иван Грозный являются деятелем русской истории во всей ее протяженности, русской географии, климата, природы. Его биографию невозможно оторвать от объективных обстоятельств, в которых находилась страна, потому что при всей силе своей личности он никогда не шел вразрез с общественной необходимостью. Иначе бы он не процарствовал и полгода.

Забавны те «исследователи» Ивана Грозного, которые пишут о его правления, имея весьма приблизительное понятие о том, какой страной он правил. Для них не играет никакой роли, что за почвы были в московском государстве, какие температуры января и июня, какова была средняя урожайность ржи? Если выбросить все это из рассмотрения, тогда сложно постижимая эпоха становится простой и удобной, а личность первого русского царя – набором из десятка мифов и ярлыков.

У наших псевдориков, как у завзятых схоластов, любые ссылки на природные факторы считается проявлениями почвенничества, черносотенства, гебизма, чуть ли не фашизма. Если есть замечательные неизменные «ценности», такие как «свобода» и «демократия» (универсалии, как называли их средневековые схоласты), то зачем думать о гумусе и прочих низменных вещах. Лучше попить кофейку с друзьями-гуманитариями и забацать пару новых обличений деспотизма и тирании. С борьбой против тирании легко попасть на экран телевизора. А по почвеннику Гуантанамо и Абу-Грейб плачут.

Однако серьезная наука, и у нас, так и на Западе, придает «низменным вещам» первостепенное значение.

«Климат является важнейшим элементом природы, который играет решающую роль в формировании окружающего человека ландшафта, растительного и животного мира, определяет возможности и направления сельскохозяйственной деятельности и развития ремёсел. Природно-климатическая обстановка одновременно является мощным этнообразующим фактором, поскольку в ней вырабатываются определённые трудовые навыки и стереотипы поведения, формируются нормы морали и культуры. Таким образом, климат, вероятно, влияет на все основные элементы человеческой деятельности, материальной или духовной, составляющей основное содержание исторического процесса», – определяют ведущие ученые-климатологи В. В. Клименко и А. М. Слепцов.

Есть множество описаний природно-климатических условий русской равнины, созданных талантливой научно-художественной рукой. Вот что пишет о географических особенностях русского государства классик С. М. Соловьев:

> «Известны выгодные условия для исторического развития, которые европейские народы находят в географических формах своей части света: выгодные для промышленного и торгового развития отношения моря к суше; выгодное для быстроты исторического развития разделение на многие

> небольшие, хорошо защищенные государственные области, разделение, а не отчуждение, производимое в других частях света степями и слишком высокими горами, умеренность климата и т. д. Но все эти благоприятные условия сосредоточены в западной части Европы, а нет их у нас на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей. Причины задержки развития в неблагоприятных внешних условиях ясны, следовательно, для нас с первого взгляда…».

География свидетельствует о том, что у исторического центра русского государства не было естественной защиты, какую, например, имели Англия и Япония, защищенные морями, или Швейцария, прикрытая горами. Исторический центр России был открыт не только вражеским нашествиям со всех сторон, но и «вторжениям» арктического воздуха. Это приводило к гибели посевов как во время суровых бесснежных зим, а также во время весенних и осенних заморозков. На южной окраине другую опасность создавали сухие юго-восточные ветра, прилетающие из пустынь центральной Азии и приводящие к засухам. Русские степи, за которые начнется упорная борьба во времена Ивана Грозного, гораздо засушливее, чем находящиеся на этих же широтах степи канадские. В историческом центре России нет незамерзающих рек, также как и незамерзающих морских портов.

Заглянем в географические атласы, вышедшие до начала глобального потепления. Они свидетельствуют о том, что граница исторической России проходит по изотерме января -8 °С и о том, что большая часть её территории находится за изотермой января -20 °С.

Вот что пишет В. О. Ключевский о характерной особенности российской климата – малом изменении температур с севера и на юг и быстром их понижении с запада на восток: «Нигде на обширных материковых пространствах, удаленных от морей, температура не изменяется по направлению с севера на юг так медленно, как в Европейской России, особенно до 50° северной широты (параллель Харькова). Рассчитали, что ее подъем в этом направлении – только 0,4° на каждый градус широты. Гораздо заметнее действует на изменение температуры географическая долгота. Это действие связано с усилением разности температуры между зимой и летом по направлению с запада на восток; чем далее на восток, тем зима становится холоднее, и различие в зимнем холоде по долготе перевешивает разницу в летнем тепле по широте, с севера на юг».

У кого энергия, у того прогресс. Гольфстрим

Можно предположить, что температуры понижаются с запада на восток не только на европейской территории России, но и во всей Европе. Так оно и есть на самом деле.

Пройдемся по карте к западу от исторической России.

Энергия – основа всего. А природа дала Европе дармовой источник энергии мощнее тысячи АЭС.

Прежде чем петь осанну европейскому благополучию и комфорту, надо отдать должное Гольфстриму. Вот основной источник европейского чуда. Он поистине заслуживает тех славословий, которые почему-то обращены к Кромвелю и Черчиллю, к «среднем классу» и ротшильдам. Западники и либералы просто обязаны поставить Гольфстриму памятник в виде термометра, скрещенного с барометром, а к его подножию возлагать цветы, а также прочую продукцию европейских садов и огородов.

Гольфстрим обеспечивает большей части Европы умеренный морской климат без резких сезонных и суточных перепадов. Блага, даруемые Гольфстримом, хорошо подкреплены и другими особенностями европейского географии. Европа защищена, как от холодных арктических ветров, так и иссушающих южных ветров – горными хребтами и морями.

Мощность энергоцентрали, именуемой Гольфстрим, составляет (после соединения с Антильским течением) 82 млн. кубометров воды в секунду, что в 60 с лишним раз превышает сток всех земных рек. В Норвегии Гольфстрим дает температуру на 15–20° выше, чем могло быть, исходя из широтности. Не будь его, в Великобритании, Нидерландах и большей части Германии пейзаж представлял бы собой тайгу и лесотундру, прибрежные воды и реки надолго закрывались бы льдом, а плотность населения была бы на порядок ниже.

Теплый влажный воздух, переносимый Гольфстримом, повышает температуру воздуха по всей западной Европе, но действие океанского течения постепенно ослабевает с запада на восток. Вместе с тем, с запада на восток падает и плотность европейского населения. Зависимость плотности населения от температуры самого холодного месяца хорошо видна на демографических картах. Фактически этот показатель определяется количеством биомассы, производимой землей и водой.

В середине XVI века плотность населения в Московской Руси (3–5 человек на кв. км) была в четыре-пять раз меньше, чем в более западной Польше (21 человек на кв. км) и почти в 10 раз меньше, чем в гораздо более западной Франции.[1]

В условиях, когда основным средством передвижения являются конские и человеческие ноги, одновременно с уменьшением плотности населения происходит и понижение интенсивности хозяйственного и социального взаимодействия людей. При незначительной плотности населения невозможно даже организовать более-менее интенсивные системы земледелия, как, например, трехполье.

С. М. Соловьев обрисовывает, какую роль играет фактор плотности населения для развитии цивилизации: «Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению, когда существует в небольшом расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии».

[1] История России с древнейших времен до конца XVII века. Под ред. ак. Л. В. Милова. М., 2007, с. 297.

И, хотя сегодня естественные факторы сильно затушеваны технологическими влияниями индустриальной эпохи, в историческом разрезе они определяют более или менее благоприятные условия для развития той или иной страны.

Даже в начале XXI века уровень развитости европейских регионов очень сильно коррелирует с близостью к к Гольфстриму. Чем дальше на запад, к теплому океаническому течению – тем развитее регионы, чаще стоят города. Конечно и в XVI веке были исключения – например, Ирландия, нещадно разоряемая англичанами уже около 400 лет, но такие исключения еще больше подтверждали правило.

Справочники свидетельствуют также о том, что и сегодня дом на русской равнине будет в три раза тяжелее, чем дом с такой же полезной площадью на западе Европы (из-за более мощного фундамента и стен), что он будет многократно больше потреблять энергии на отопление и чаще требовать ремонта из-за сезонных и суточных температурных колебаний, и большего количества твердых осадков в виде снега. Тоже относится и к дорогам, и к другой недвижимости.

Итак, Гольфстрим – это мягкий климат, способствующий земледелию и скотоводству, уменьшающий стоимость капитального строительства, ремонта и отопления.

Особенностью Европы является и очень внушительная протяженность береговой полосы – и везде выход в море открыт, морские воды нигде и никогда не замерзают, опять-таки благодаря Гольфстриму. Не замерзают и внутренние водные коммуникации.

Незамерзающие воды – это круглогодичная даровая энергия течений рек и морских ветров, которая переносит суда с людьми и грузами.

Подсчетов по этому поводу я пока нигде не нашел, они и вряд ли появятся, прежде чем история превратится в серьезную системную науку. Однако можно понять интуитивно-эмпирическим путем, что цивилизация, в которой транспортное сообщение (то есть обмен результатами труда) энергетически дешёв, имеет преимущества перед цивилизациями, где это сообщение многократно дороже.

В общем, закон «чем дальше на Запад, тем лучше» легко объясним. Чем больше дешевой энергии, тем выше уровень развития территории. Вплоть до определенного предела, конечно, чтобы ее мощность не стала убивать и разрушать. Но европейские широты являются прекрасным верхним ограничителем для потока солнечной энергии, которая оказывает свое разрушительное воздействие на южном берегу Средиземного моря, в северной Африке.

Русское государство и русская элита. Этапы большого пути

Русь Речная. Варяжская

Невозможно говорить о тех преобразованиях, которые произошли в русском государстве эпохи Ивана Грозного, если не представлять, из каких пластов оно было сформировано за предшествующие 600 лет.

Начало русского государства было относительно случайным. Климатический оптимум IX–XII веков (сходный с современным «глобальным потеплением») сместил сроки замерзания рек и открыл балтийско-черноморский и балтийско-каспийские пути для торговых коммуникаций. В то время ныне ледяная Гренландия представала зеленой страной, а Ньюфаундленд был местом, где выращивался виноград.

Вместе с климатическим оптимумом в бассейны восточноевропейских рек пришли дракары руотси-руси. Эта общность людей, происходящая с берегов Балтики, была этнически смешанной. Она несла внушительный финский элемент – что показывают современные этногенетические исследования, обнаруживающие угрофинский, а если точнее североазиатский маркер N1c1 в мужской Y-хромосоме у потомков Рюрика. По мнению некоторых исследователей, к числу которых относился М. Ломоносов и сам Иван Васильевич Грозный, среди Руси были представители западных поморских славян и балтского народа пруссов.

Небольшие суда с сорока гребцами и прямоугольным парусом, которые могли выходить в море и переволакиваться на водоразделах, фактически создали первое русское государство. Новые организационные связи выстраивались не только в плоскости русской равнины, но и по вертикали: власть-элита-народ.

Русь стала новой элитой славянского общества. Сразу замечу, что «русы» и «русичи» являются этнонимами, выдуманными литераторами в гораздо более позднее время и могут применяться только для лексического разнообразия. Древность знала только этноним «Русь» и топоним «Русская земля», то есть земля, принадлежащая Руси (причем в древние времена писали «Руская», также как «Пруская», потому что окончание корня «с» сливалось с суффиксом прилагательного «ск»). Я же ненадолго нареку свежеобразованное государство – Русь Речная.

К чести его скажем, что оно не встало на костях уничтоженного аборигенного населения, как Англия или немецкая Пруссия. К минусу его заметим, что для русов восточные славяне долгое время было именно подвластным и даже порабощенным народом. Собственная восточно-славянская старши́на, местные князья и бояре, истреблялись – как показывает пример князя Мала и древлянских старейшин. В этом было гораздо меньше личного, чем показывает летопись Нестора. Голая конкуренция, и ничего более.

Целью функционирования государства русов было обеспечение безопасности торговых путей и стабильное взымание дани с подвластного населения, однако устойчивость системы, в первую очередь, зависела от предотвращения негативных воздействий внешней среды.

А географическое положение Руси Речной – ворота между степями Азии и степями центральной Европы – обуславливало ее постоянное взаимодействие с кочевыми системами Востока.

Кочевые орды – это главные генераторы энтропии в русском средневековье. Для прокорма одного кочевника требуется сто гектаров, для прокорма крестьянина половина гек-

тара. В условиях конкуренции за землю, кочевнику, для обеспечения своего нормального существования, надо уничтожить двести крестьян.

Русские летописи – это, фактически, длинные списки степных набегов. На протяжении сотен лет Степь жила за счет Русской земли. Интересы степняков и оседлого славянского населения были прямо противоположны. Права кочевника попирали права крестьянина. Что для них одних – пашня, для других – пастбище. Что для одних собранный урожай, для других – легкая добыча. Что для одних – человек, жена, ребенок, для других – раб, рабыня, самый ликвидный товар того времени.

Кипчаки-половцы налетали осенью, когда мужики еще в поле, завершают сбор урожая, и захватывали детей, женщин, хлеб, обрекая деревню на частичное или полное вымирание зимой. Кусок за куском они превращали Русскую землю в Дешт-и-Кыпчак.

«Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада. Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, в стране, где господствовали дикие, кочевые орды, в стране, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей», – пишет Соловьев.

Борьба с перманентной внешней угрозой облагораживала русскую власть, укрепляла связь государства с населением.

Однако Русь Речная все же проигрывает схватку со Степью задолго до знаменитого монголо-татарского нашествия. Прерывается балтийско-черноморский путь и балтийско-каспийские пути, бывшие экономической основой этого государства. Население малопомалу тянется по речным бассейнам с черноземного и плодородного юго-запада на бедные суглинки и супеси северо-востока Русской равнины. Немаловажными факторами, стимулирующими отток населения в северо-восточное Залесье, являются насилия княжеской дружины и постоянные княжеские усобицы. Русские князья не стесняются привлекать для решения своих споров половецкие орды, а уж половцы воюют, как умеют, грабя и захватывая рабов. В этом они – стахановцы.

Немногочисленное население (едва ли больше миллиона) размазывалось по обширнейшим территориям, это создавало еще одну традиционную проблему Русской земли. Малая плотность населения будет тормозить развитие страны вплоть до появления индустриальных транспортных технологий.

Фактор протяженности и трудности коммуникаций (реки замерзают зимой, дороги превращаются в топь весной и осенью) ослаблял, а то и просто разрывал организационные связи, затруднял концентрацию трудовых усилий, мешал формированию общерусского рынка. У местных властей возникало естественное желание – пойти по наиболее легкому пути и добиться локальной управляемости за счет разрушению единого государства.

Этот древнерусский сепаратизм первой волны имел более негативные последствия, чем феодальная раздробленность на западе Европы. За счет больших пространств и постоянной вовлеченности грабительской Степи мы получили не западную феодальную пирамиду с отношениями оммажа-вассалитета, а систему взаимного истребления.

Поскольку Русская земля считалась коллективно-долевой собственностью клана Рюриковичей, то каждый Рюрикович мог претендовать на престол другого Рюриковича, для чего входил в коалиции с третьими Рюриковичами, привлекал внешние силы, от кипчаков до поляков, и пытался умаслить торговую верхушку в интересующем его городе, потому что она контролировала народное собрание (вече).

В XII веке некоторые города уже настолько окрепли, что сами нередко подбирали себе князей, словно менеджеров, и вели себя, как властители, по отношению к подчиненным

городам, так называемым пригородам. (Например, Владимир был пригородом Суздаля, а Москва пригородом Владимира). Приговор веча в старшем городе было законом для всех его пригородов. «На чем старшие сдумают, на том и пригороды станут». Младшие города старались освободиться от власти старших городов и обзавестись собственным князем, своим, так сказать, топ-менеджером, который олицетворял бы их самостоятельность.

Например, Владимир-на-Клязьме боролся за свою независимость от старшего города Ростова, происходило это в виде отстаивания «своих» князей, Михаила и Всеволода Юрьевичей. Пригороды выходили из-под власти старших городов при помощи князей, которым также не хотелось подчиняться князьям старших городов.

Не только князья, но и дружина были в массе своей потомками давних и не очень давних пришельцев из-за моря, руси и варягов. Их усадьбы были наполнены рабами.

Потомками варяжских гостей были и купцы, из которых составлялась верхушка русских городов. Варяжские купцы покупали у князей и дружинников рабов, которые, увы, нередко относились к подвластному славянскому населению.

Впрочем, кипчакские завоевания XI–XII вв. сделали одно доброе дело для становления единой русской народности. Кочевники, перекрыв южный конец балто-черноморской «трубы», остановили экспорт славянских рабов, которым до того занималась варяго-русская торгово-военная знать и, в особенности, киевские князья. Отныне этим будут заниматься сами кочевники.

Вместо прежнего коллективного сбора дани дружинники стали получать от князей земли, которых обрабатывали рабы, долговые рабы-закупы или зависимые крестьяне-смерды. Особенно рабство было распространено в Поднепровье и Новгороде. После поражения Суздаля в войне против новгородцев в 1169, пленных суздальцев продавали в Новгороде по 2 ногаты за человека – это был четырехдневный заработок новгородского батрака. Баран, к примеру, стоил 6 ногат.

Тип крупного землевладения с использованием рабского труда был тогда распространен во многих странах, и в соседней Польше, и в Западной Европе, где на франкскую знать работали бесправные сервы, ничем не отличающиеся от римских рабов-колонов.

От руотси-русских князей и варяжской дружины произойдет боярство, родовая аристократия, с которой придется схлестнутся московским самодержцам в период становления централизованного государства.

На северо-востоке, куда стало уходить поднепровское население задолго до монголов, начал потихоньку формироваться другой тип государственности, представленный в XII веке Андреем Боголюбским.

Таким образом, Русская земля была расколота не только «по горизонтали», на удельные княжества, но и «по вертикали», на верхушку варяго-русского (балтийского) происхождения и славянское простонародье. Это «царство свободы» было нестабильным, далеким от гомеостаза и любое масштабное внешнее воздействие могло легко его разломать.

Русь Лесная. Владимиро-суздальская

В XIII веке климатический оптимум стал заканчиваться. Сперва в Азии прохладный и засушливый климат пришел на смену теплому и влажному (подобные изменения в свое время погубили римскую империю). Кочевые орды должны были погибнуть или родить вождя. И они родили гениального изобретателя организационного оружия – Чингисхана, который умел становиться сильнее за счет силы врага.

Не так далеко, в Средней Азии, рушились под монгольским тараном великие государства, а наши «вольные» князья, наши города и пригороды еще свободно терзали друг друга.

Уже были раздавлены, в прямом и переносном смысле, дружины четырех русских князей на Калке (монголы праздновали победу, положив пиршественный помост прямо на пленных русов), но степень взаимодействия русских княжеств с каждым годом только падала.

Уже монголы концентрируют силы на Волге и Дону, а русские князья тратят время, как щенята, в беспечной возне. При этом князья имеют достаточную информацию о концентрации монголов у юго-восточного порога Руси, ведь толпы булгарских беженцев с Волги наводняют Владимир и Рязань.

После Андрея Боголюбского не один русский князь не рисковал заниматься объединением страны – здоровье дороже. Пространственная протяженность и неудобные транспортные коммуникации давали возможность свободным князьям и вольным городам всегда отговориться от столь хлопотного мероприятия, как созыв единого войска. Впрочем, воинство, кое-как сбитое из дружин разных князей, гарантированно погибло бы в серьезном сражении, как при Калке. Дружины ведь создавались не ради «положить живот свой за други своя», а ради феодальных войнушек и выбивания дани с подвластного славянского населения.

До зимы 1237/1238 годов Русь обладала всеми «приятностями свободы», причем в больших размерах, чем современный ей Запад. Но вольное житье варяго-русов закончилось под татарскими саблями.

Русь Речная была обречена – благодаря княжеско-боярским и городским вольностям. А любое войско монголов фрактально отображало общемонгольскую организацию и порядок. Монголо-татары одну за другим перемалывали отборные русские дружины, с помощью передовой осадной техники (китайское ноу-хау) легко брали русские города, беспроблемно перемещались по замерзшим рекам, пользуясь услугами местных проводников (некие «бродники» помогали врагам уже на Калке).

Русская свобода показала себя анекдотическим образом даже в период Батыева нашествия. И тогда князья, как заведенные, продолжали усобицы. Например, князь новгородский и киевский Ярослав Владимирович (брат убитого монголами великого князя Юрия) совершил грабительский поход на Смоленск. Город Владимир и его великий князь не пришли на помощь Рязани, а господин великий Новгород не оказал помощи даже своему пригороду Торжку.

За три-четыре года, после нашествия Батыя, русская элита успела даже подзабыть монгольский погром. Но татаро-монголы вернулись, как обещали, вновь преподали урок при помощи Неврюевой рати (1252) и опустили занавес над первой Русью.

В Московской земле погибло 2/3 всех селений, в долине Оки – 9/10. Истребление в степных и лесостепных районах было еще страшнее. О состоянии Поднепровья западные путешественники Плано Карпини и Гильром Рубрук оставили страшные свидетельства. «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле». В Киеве до прихода монголов было 50 тысяч обитателей, а в начале XIV века лишь несколько сотен. Еще на протяжении ста лет остатки поднепровского населения будут уходить отсюда на запад и северо-восток, потому что к монгольскому погрому с

1240-х гг. добавятся набеги язычников-литовцев. Из-за произшедшего геноцида поднепровские земли потеряют культурную и племенную преемственность с домонгольским периодом. Уцелевшие поляне унесут киевские былины на берега Онеги и Белого моря.

Окончательно вернувшиеся в 1252 г. монголы установили на 230 лет особый тип власти, которая разительно отличалась от монгольской власти в цивилизованном Китае или культурном Иране.

На Руси это было сочетание безответственности (монголы напрямую не управляли) и грабежа. Русь стала ярчайшим примером системы-донора.

Pax Mongolica был довольно удачным опытом глобализации. И в этом глобализационном проекте Руси отводилась роль резервуара самой дешевой рабочей силы – рабов. Монголы занимались доставкой русских рабов в итальянские порты на Черном и Азовском морях, далее генуэзцы и венецианцы везли «живой товар» морем на Ближний Восток (преимущественно в порт Дамиетта), в Северную Африку и южноевропейские страны. Чуткий глаз поэта Петрарки замечал «скифские морды» на улицах Генуи. А на арабском востоке из них формировалась знаменитая мамелюкская гвардия, которая задала трепку и самим монголам.

Монгольская власть выключила собственно Русь из мировых торговых коммуникаций, из мирового разделения труда. Хотя сама Орда в нем активно участвовала. Награбленные у Руси ресурсы, включая людские, продавались и перепродавались (и где-то далеко на западе спонсировали Возрождение), однако торговыми операциями в в Орде занимались почти исключительно мусульманские купцы-бессермены и итальянские купцы-фряги. Балтийско-Черноморский путь, который собственно создал Русскую землю, теперь Русскую землю разрушал. То, что сбывала обедневшая Русь через Новгород, обогащало лишь узкую прослойку новгородских компрадоров и ганзейскую корпорацию, которая полностью контролировала торговлю на Балтике, старательно уничтожая самостоятельную внешнюю торговлю в любой стране, где она внедрялась.

Монгольская верхушка получала «татарский выход», 5–7 тысяч рублей с московского княжества, 2 тысячи рублей с Новгорода и т. д. Дань собиралась серебром, хотя своего серебра на Руси не было. Финансовая элита того времени – бессермены и фряги – имели хороший навар от обменных операций.

По мнению некоторых исследователей, татаро-монгольская дань была не слишком высока, и не превышала десятины для крестьянского двора. Наверное, это так. Однако к регулярному «выходу» надо добавить вымогание «поминок»-подарков для монгольских начальников, а также ямскую и прочие повинности, исполняемые в интересах Орды. Мы не знаем механизма распределения русского серебра среди золотоордынской верхушки, но очевидно, часть феодальной кипчакской знати оставалась недовольной и у нее всегда находился повод для набега.

Уже с 1260-х монгольская империя распалась и Золотая Орда стала обычным феодально-кочевым государством, которое существовало во многом за счет набеговой экономики.

Периоды относительной централизации, как во времена мудрого хана Джанибека, сменялись периодами раздробленности, когда любой кипчакский мурза мог, по собственному почину, осуществить грабительский поход на Русь. Захваченная добыча, в том числе рабы, перепродавалась через главных рыночников того времени – итальянцев – в крымском улусе, где быстро богатели итальянские портовые города.

Если кипчакский отряд сжигал посевы или увозил хлеб, то это означало для русской деревни голодную смерть, если даже население успевало спрятаться в лесной чаще. Так что демографические потери продолжали быть высокими.

Псевдорики, опираясь на период правления Джанибека, много говорят о влияния монголов на становление московского единодержавия, но, с гораздо большим основанием, можно считать, что монгольское иго продолжало и развивало русскую усобицу и раздробленность.

Базовой политикой Орды в отношении Руси была политика управляемого хаоса, «разделяй и властвуй», которая идеально сочеталась с привычными для русских князей феодальными распрями. Она не только делала Русскую землю слабой, но и давала Орде постоянную прибыль – каждый претендент на ярлык «великого князи» одаривал ордынскую верхушку, пытаясь затмить прочих соискателей. Князья вынуждены были бороться за ярлык в ханской ставке и прочих степных «кабинетах», а ордынские феодалы, определив счастливчика по размерам «поминок», охотно помогали ему вокняжиться с помощью разорительного набега на его конкурента.

После разорения старших городов добились самостоятельности многие младшие города – Тверь, Нижний Новгород, Москва. И это также способствовало разобщению Руси, что опять было выгодно для Орды. Если татары хотели наказать какой-нибудь город, например, разорить в счет невыплаченной дани, то ждать ему помощи было неоткуда. Каждый город жил в одиночку и умирал в одиночку. Всегда находился русский князь, который помогал татарам осуществить карательные мероприятия, чтобы получить от них ярлык и сесть в этом городе.

Вмешательство татаро-монгол в феодальные распри русских князей приводило к повторяющимся разорениям практически всех городских центров.

Только в XIII веке, после Батыева погрома, Переяславль-Залесский разрушался еще четыре раза (1252, 1281, 1282, 1293 гг.), Муром, Суздаль и Переяславль-Рязанский – три раза, Владимир – два раза и три раза были полностью опустошены его окрестности.

Возьмем, хотя бы к примеру события 1293 года. Это год одного из самых разорительных нашествий татаро-монголов – Дюденева рать (поход Тудана) – которую современники сравнивали с Батыевым погромом, ведь было разорено и сожжено 14 городов, включая Москву. Десятки тысяч русских были уведены в рабство и проданы на рынках Кафы и Солдайи в Крыму.

Привели татаро-монголов на Русь два русских князя: Андрей Городецкий и Федор Смоленский-Ярославский (известный под прозвищем Черный). Князь Федор Ростиславович Черный большую часть своей жизни провел в Орде, там женился на ханской дочери.

«Он же (Федор Черный всегда у царя (хана) предстояше и чашу подаваше ему… Царь (хан) же вельми чтяше благоверного князя Федора даруя ему грады многие яко тридесят и шесть… Чернигов, Болгары, Кумань, Корсунь, Туру, Казань, Арес, Гормис, Белематы… еще же полграда даде ему, идеже (где) сам царствоваше». Исходя из того, что сообщает Житие Федора Ростиславовича, он фактически был не русским князем, а международным «эффективным менеджером».

Заливши кровью Смоленск, и в Ярославле Федор Черный водворился в 1289 только силой только татарского воинства – ярославцы не хотели себе такого князя. «Нет у нас такого обычая, чтоб приимать на княжение пришельцев».

Что интересно, Андрей Городецкий был предком князей Шуйских, лидеров боярщины в XVI в., а Федор Черный – прямым предком знатного цареборца князя Андрея Курбского. Литературно одаренный потомок почитал за образец деяния своего «славного» дедича.

Раздробленная владимиро-суздальская Русь не могла придти на помощь турово-пинским, полоцким, волынским, галицким, поднепровским и другим русским землям, которые с середины XIII в. стали «осваиваться» литовскими варварами, польскими и венгерскими магнатами, немецкими рыцарями.

Именно в период монгольского ига и западной экспансии были окончательно сформирована мораль и обычное право («понятия») русской высшей аристократии. И эти понятия включали возможность опоры на внешние силы.

Позднее средневековье было в Европе временем перехода к новому времени – когда вместе шло и накопление торговых капиталов, и развитие технологий, и усложнение социальных институтов. У нас это было временем исчезновения сложных ремесел и прекращения каменного строительства, временем возврата к архаичному подсечно-огневому или переложному земледелию[2] – только в лесу густом имелась возможность укрыться от ордынских рекетиров. Это было время хозяйствования на бедных почвах между низовьями Оки и верховьями Волги, время бедных маленьких городов.

Хозяйствование на лестных росчистях, после пожога леса, давало первые годы неплохой урожай. Но населения было мало и они было рассредочены в небольших деревеньках (от одного до четырех дворов), затерявшихся среди лесов. Это определяло полное господство натурального хозяйства, дающего мало шансов торговому городскому капиталу. Наиболее подходящее имя этому государству – Русь Лесная.

Существовали и ополья, относительно густо заселенные территории с более интенсивным сельским хозяйством (двупольем или трехпольем) на границе леса и степи – но именно здесь князья собирали подати для Орды и для своих потребностей. Именно сюда приходился карающий удар степной конницы в случае материальной неудовлетворенности ханов и мурз.

В земледелии преобладали те культуры, которые были наиболее экономичны с точки зрения затрат труда (времени и рук в русском крестьянстве не хватало) и приспособлены к почвенным и климатическим условиям русской равнины.

Центральной культурой Руси Лесной, да и много позже, была озимая рожь. Ее отличала наиболее надежная урожайность, что для крестьянина нечерноземной России с ее долгими холодными зимами, летними заморозками, резкими колебаниями «мокроты» и «сухоты,» было важнейшим качеством. Такие культуры, как пшеница, греча, конопля не вызревали из-за недостатка тепла.

Устойчивость для Руси Лесной означала стабильность выплаты дани Орде – в этом заключался целевая функция для княжеско-боярской верхушки этого государства. Нарушение выплаты дани и недостаточные «поминки» означали для князей мучительную смерть в Орде или разорение податного населения в результате ордынского набега.

Однако, в отличие от предыдущего периода, основная масса сельских тружеников на Руси было лично свободной. Это уже не киевские смерды, а крестьяне, то есть христиане. Все они жили в самоуправляющихся общинах, в условиях низовой демократии. (Это на заметку Пайпсу, Янову и прочим гарвардско-оксфордским невеждам, повторяющим, что Московское государство не знало демократии.) На северо-востоке Русской земли начал формироваться особый тип общественного сознания, которое приведет к созданию московского «демократического самодержавия».

Татаро-монгольское иго было неблагодетельным для Руси, и тут я, в духе Лао-Цзы, добавлю, что именно поэтому оно стало благодетельным.

Чем сильнее были княжеские усобицы, чем чаще набеги, тем больше русское простонародье желало объединения страны и появления единой и мощной верховной власти.

В рамках концепции вызова-ответа (challenge-response), предложенной А. Тойнби, внешнее давление создаст новый тип русского государства. Однако от Руси Лесной вечным атавизмом для России осталось включение в международное разделение труда на чужих условиях, относительная изоляция от мировой торговли, пребывание национального ядра в

[2] Переложная система – распахав «новь», используют ее 3–4 года, затем оставляют «впусте» на 25 лет, для восстановления природой естественного фитоциноза. Источник: Аграрные технологии в России IX–XX вв. М., 1996.

зоне малопродуктивного сельского хозяйства, дорогое строительство, а также производство и транспорт, сильно зависящие от сезонных колебаний.

Подкреплю свое скромное мнение поэтическим взглядом Пушкина из письма Чаадаеву: «… у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

Главная особенность русского земледелия

В результате кипчакской экспансии и монгольских завоеваний русское государственность и основная масса русского народа была перемещена на север и северо-восток.

Прежде чем рассматривать дальнейшее становление форм русской государственности, следует обратить пристальное внимание на базис, на природно-климатические условия хозяйствования.

Как четко и лаконично выразился академик Л. В. Милов: «Земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки». В начале XVI века имперский посол Герберштейн писал: «Область московская… неплодородная».

Климат определил самую важную постоянную особенность исторической России – это короткий сельскохозяйственный период. Речь идет о безморозном периоде с суммой температур, достаточной для роста и вызревания сельскохозяйственных культур.

Для допромышленной страны, слабо включенной в мировой рынок, это означало, что если не успел «хозяйствующий субъект» провести весь цикл сельскохозяйственных работ в указанный период, или помешали ему в этом погодные аномалии или вражеские набеги, то он, с большой вероятностью, становится трупом.

«Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый „беспашенный период“ составляет около семи месяцев. На протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. Из них же на сенокос уходило около 30 дней», – пишет академик Милов.

Рабочий сезон для русского земледелия обычно длился с половины апреля до половины сентября (по новому стилю с начала мая до начала октября), около пяти месяцев, в северных районах и того меньше.

В Западной Европе из рабочего сезона выпадали лишь декабрь и январь. Даже в северной Германии, Англии, Нидерландах сельскохозяйственный период составлял 9–10 месяцев, благодаря Гольфстриму и атлантическим циклонам. На возделывание земледельческих культур, на заготовку сена, европейский крестьянин будет иметь примерно в два раза больше времени, чем русский крестьянин.

В западной Европе большая длительность сельскохозяйственного периода создавала возможности для равномерной постоянной работы, то есть, для лучшей обработки почвы. Как писал ученый-аграрий И. Комов, «…в Англии под ярь и зимою пахать могут».

Короткий вегетационный период усугублялся низкой суммой полученных температур. В середине XVI века лето в Московском регионе начиналось в середине июня, а в конце сентября уже приходили первые морозы. Всего безморозных дней в Московском регионе было около 110, температуры выше 15 градусов длились 59–67 дней. В Вологде по-настоящему теплых дней было 60, в Великом Устюге – только 48.

Русский крестьянин, кормящий семью из четырех человек, должен был обработать пашенный надел примерно в 4,5 десятины (около 5 гектар) посева. Таким образом, у него было 22–23 рабочих дня на десятину (1,1 га).

Нормальная обработка русского нечерноземного поля означало до четырех раз пройтись сохой перед посевом, до 6–7 раз отборонить после вспашки.

Но вот незадача – времени, отведенного русским климатом, для нормальной обработки указанного надела не хватало, поэтому крестьянин должен был или уменьшать площадь

посевов, примерно до 2,5 десятин, или снижать качество обработки почвы, попросту говоря, халтурить.

В таком случае крестьянин прибегал к поверхностной «скородьбе» земли, или даже к разбросу семян по непаханному полю, и заскореживанию семян. Навоз при этом запахивали кое-как. Это вело к низкой и очень низкой урожайности. Пашня, в итоге, становилась неплодной и ее забрасывали на много лет.

Разница в интенсивности обработки почвы между востоком и западом Европы приводила к тому, что в XVI веке урожай ржи составляла в России сам-3 или сам-2, а в Англии – сам-7.

Крестьянин мог увеличить трудозатраты лишь за счет привлечения труда детей, стариков и недавно родивших женщин.

Это было причиной крайне высокой младенческой смертности в нечерноземной России. Пик рождений приходился на относительно сытые летние месяцы, но именно в это время мать не имела возможности находится с новорожденным ребенком, ее ждали неотложные полевые работы. Высокая младенческая смертность будет черной отметиной русской деревни на протяжении веков, что отличало ее в худшую сторону не только от Западной Европы, но и от русских городов, и даже от российских этносов, живущих кочевым скотоводством и лесными промыслами (татар, коми и т. д).

Короткий вегетационный период определял уязвимость посевов к характерным метеорологическим экстремумам на русской равнине. Это и нашествие арктического воздуха посреди лета, в конце весны или начале осени, и дождливая затяжная непогода, и засуха.

Кратковременность цикла земледельческих работ усугублялась преобладанием малоплодородных почв. Для территории, которую принял при воцарении Иван IV, характерны почвообразующие породы – покровные суглинки, и подзолистые почвы с низким содержанием гумуса.

Более плодородные почвы начинаются южнее линии Киев-Калуга-Нижний Новгород, за которые будет идти долгая вооруженная борьба с татарскими ханствами и Литвой.

На землях, где преобладали глинистые, суглинистые и иловатые почвы, в сухое жаркое время образовывалась корка, не пропускающая воду к корням даже во время дождя.

Почвы нечерноземной России требовали регулярного внесения удобрений, но органических удобрений не хватало при недостаточной развитии скотоводства. До 7 месяцев длился период стойлового содержания скота, что требовало больших запасов кормов. А ведь период заготовки кормов втискивался в напряженный и сжатый по времени цикл полевых работ и поэтому был крайне ограничен (20–30 суток).

Корма для скота было мало, поэтому и скота было мало. Дефицит мяса (белков) в зоне континентального климата – это чрезвычайно негативный фактор, влияющий на физические возможности, на здоровье крестьянина. Кстати, это та причина по которой крестьянские дети постоянно ходили в лес «по грибы», а грибы – небезопасный продукт, особенно в засушливые годы. Вообще, присвающее хозяйство (охота, рыболовство, бортничество, собирательство) продолжало играть большую роль в жизни русских крестьян, оставшись атавизмом с первобытных времен.

«Излишки» зерна, которые шли на нужды государства, в первую очередь на содержание войска, или же поступали на городской рынок, создавались лишь за счет жесткого ограничения потребностей крестьян.

Если крестьянин «комфортно» обрабатывал около 2,5 десятин земли, то с учетом всех вычетов (подкормки скота, выделения зерна на посевные работы, и уплаты податей) он мог обеспечить всей своей семье не более 72 пудов зерна. Что, при семье из 6 человек, означало 12 пудов (197 кг) в год на человека. Энергетически это означало 1700 ккал на человека в сутки – практически железный минимум, на грани голодания. Конечно, в рацион крестьян,

помимо хлеба, включались и «дары леса», изредка мясо домашней птицы и скотины – но, в целом, это не могло повысить среднюю калорийность питания более чем на 10–15 %.

Увеличение податей – в случае острой военной необходимости – вело к серьезному дефициту зерна на личное потребление и вело если не к голоду, то к алиментарной недостаточности.

Согласно исследованиям, проведенным для современного Третьего мира, при уровне потребления ниже 1850 ккал общественная стабильность сохранялась только в 17,5 % случаев. Но русские были терпеливым выносливым народом, прекрасно понимающим, что нестабильность кончится плохо для всех.

В таких условиях русское сельское хозяйство доиндустриальной эпохи постоянно решало два вопроса. И вовсе не «Что делать?» и «Кто виноват?», как принято на интеллигентских кухнях.

Первый. «Где взять рабочие руки?», чтобы обеспечить более качественную обработку земли в вышеуказанные сжатые сроки. Вопрос решался так, что практически весь прирост русского сельского населения оставался в сфере земледельческого производства.

Второй. «Где брать новые земли под пашню?» Большее плодородие в Нечерноземье могли дать лесные «росчисти», где, после рубки и выжигания леса, зола определяла более высокую урожайность на протяжении нескольких лет. Это задавало необходимость постоянной сельскохозяйственной экспансии, превращение леса, с помощью подсеки, в пашню. Отсюда московский «экспансионизм», о котором так любят писать западные авторы, особенно польские, скрупулезно подсчитывающие на сколько квадратных километров увеличивалось Московское государство каждый год.

Виды подсеки зависели от возраста леса. Молодой 10–15-летний лес с кустарником давал, после подсеки, пашню со сравнительно коротким сроком пользования – два-три года – с не очень высоким урожаем. Рубка и выжигание более старого 40–50-летнего леса давал пашню, на которой можно было добиться урожая ржи сам-20. Такая урожайность через 4–6 лет резко снижалась («выпашка»), а крестьян начинал искать новый участок в лесу для «росчисти».

В той климатической зоне, где действовали русские, ни у одного другого этноса не было более высокой культуры земледелия. А, как правило, вообще не имелось существенного земледелия. Земледелие приходило вместе с русской народностью туда, где ранее его не было. Русские принесли земледелие на Северную Двину и даже терский берег Кольского полуострова.

Физические условия определяли и социальные условия жизни в селе. В Московской Руси преобладала община-волость, близкая к традиционному северному типу общины подворно-наследственного типа. Внутри такой волости-общины отдельные деревни могли по традиции иметь разное количество земли, так же и дворы владели пашней разного размера.

Тягло накладывалось на волость в целом, а внутрикрестьянские «разрубы» совершались общинными выборными властями.

Размеры семейных наделов время от времени изменялись общинными властями, в зависимости от количества рабочих рук и едоков в семье. Наделы перераспределялись между крестьянами так, чтобы создать примерно равные стартовые условия всем семьям. Учитывалось качество земли, количество обрабатывающих её рук.

Есть у нас немало любителей вещать о недоразвитии частно-собственнических инстинктов в российском обществе. Режиссеры, числящиеся патриотами, даже снимают фильмы на эту тему. Мол, мы такие-сякие, генетически несовершенные.

А вот если подумать о том, что волновало больше всего русского крестьянина? Увеличение дохода с земли или выживание? Вместо того, чтобы порицать русского крестьянина за

то, что он не «частник», стоить обратить внимание на особенности жизни и хозяйствования в русском историческом центре.

Перераспределение пахотных земель в общине производилось в целях гармонизации возможностей и обязанностей, для обеспечения выживания всех членов общины.

Крестьяне имели право распоряжаться своими участками, но в случае их запустения и невозможности обрабатывать, дальнейшая судьбы земли полностью или частично определялась уже волостью. Рубка и корчевка леса, постройка дома, вывоз навоза на поля, покос, помощь семье, в которой заболел или умер кормилец, осуществлялась всем сельским обществом. Скажем, семья, лишившаяся дома из-за пожара или вражеского набега, погибла бы зимой, если бы община не пришла ей на помощь. У нас ведь не Прованс, где можно провести зиму под навесом. В те времена и в конце сентября мог выпасть снег.

Община была не казармой (как снится современным Верам Павловнам), а органом общественной поддержки индивидуального хозяйства, самой что ни на есть ячейкой гражданского общества.

Каких-либо существенных различий в порядках землепользования между общинами владельческих деревень и черными общинами еще не было.

Новгород

Феодальная раздробленность Руси экономически ослабила Новгород уже к концу XII века. В это время иноземные завоеватели, на юге кипчаки, на севере шведы и немцы, фактически прекращают доступ русских к самостоятельной морской торговле на Черном море и Балтике. От потери балтийско-черноморского пути, на котором недавно еще богатела киевская Русь, страдает и Новгородская республика.

Ганзейская лига, обладающая сильным военным флотом, берет в свои руки торговые коммуникации на Балтике, становится монополией. Ганзейский устав категорически запрещает брать товары, принадлежащие новгородцам, на немецкие суда, запрещает давать новгородцам кредит, ограничивает ввоз в Новгород западных товаров – для поддержания высоких цен. Единственным вариантом торговли для Новгорода будет торговый обмен непосредственно на территории ганзейских факторий – на тех, условиях, которые выгодны немцам. Плодами такой торговли сможет пользоваться лишь верхушка новгородского общества – бояре и крупные купцы, «житьи люди».

Новгородское население будет теперь фатальным образом зависеть от слабого плодородия северо-западных русских земель.

Более двадцати раз в истории независимого Новгорода случался массовый голод.

Уже на рубеже XII–XIII вв. в Новгороде появляются первые признаки аграрного перенаселения, произошло исчерпание ресурса свободных пахотных земель. В условиях ограниченных ресурсов начался рост крупного землевладения, разорение мелких крестьянских хозяйств, распространение долгового рабства и ростовщичества, городской нищеты.

Первый раз большой голод в Новгороде случился в 1170 году, когда был неурожай и прекратился подвоза хлеба с Суздальщины, с которой шла война. И вот новгородцы, которые только что продавали пленных суздальцев намного дешевле овцы, спешно зовут себе суздальского князя. В 1215 удальцы-новгородцы опять разбили владимирско-суздальскую рать и снова прекращение подвоза суздальского хлеба привело к трагедии. Кадь ржи (14 пудов) продавалась по 10 гривен – по той цене, по которой недавно можно было купить целое стадо овец. Люди ели «сосновую кору и лист липов и мох»,[3] трупы лежали на улицах, население бежало из города.

С этого времени голодные годы повторяются регулярно.

9 тысяч человек умерло от голода в 1228 году. В катастрофическом 1230 г. кадь ржи продавалась по 20 гривен. «И кто не прослзиться о семь, видяще мьртвьця по уличамъ лежаща, и младъница от пьсъ изедаемы».[4] Родители продавали своих чад в рабство ради хлеба; распространилось людоедство. Князь и прочие представители власти бежали из города. В первой братской могиле (скудельнице) было захоронено 3300 трупов, во второй 3500, затем пришел черед и для третьей скудельницы. По летописи церкви Двенадцати апостолов «всего в Новгороде померло народу 48 тысяч». Парадоксально, но голод 1230 г. привел почти к такому же опустению земли на северо-западе Руси, как и татарские нашествия Батыя и Неврюя на северо-востоке.

С середины XIV века, в наиболее развитой части Новгородской республики (пятинах), налицо все признаки экосоциального кризиса. Росло крупное землевладение и ростовщичество, крестьяне бросали земли и «закладывались» за бояр, или превращались в нещадно экс-

[3] Новгородская первая летопись старшего извода. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 54.

[4] Новгородская первая летопись старшего извода. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 69.

плуатируемых арендаторов-испольщиков (которые отдают за пользование господской землей половину урожая). Задолжавших и сбежавших половников разыскивали, как беглых преступников. Излишки новгородского населения уходили на ушкуях грабить по Волге – ушкуйники особо не разбирали, где русские, а где татарские селения. Ушкуйники добирались даже до Оби, но, вместо нормального освоения Западной Сибири, занимались грабежом югорцев. Отдадим должное храбрости новгородских пиратов, но все-таки ушкуйники не рисковали выходить в Балтийское море, где их ожидал сильный ганзейский флот.

Голод и мор происходят в 1352, 1364, 1370, 1390, 1414, 1418, 1421–1423, 1431, 1436, 1442, 1445 гг. Часто, очень часто. Тут и нечего сравнивать с московским княжеством.

Количество эпидемий чумы в Новгороде многократно превосходит количество эпидемий в удаленных от Европы регионах северо-восточной Руси. Роль ганзейской фактории не дает новгородскому населению ни благополучия, ни безопасности, ни сытости, но делает город открытым для чумных крыс и блох, которые несли на себе западные «гости».

К концу XIV века новгородская хозяйственная система становится полностью олигархической. Завершается процесс перехода «черных» государственных земель, являющихся объектом коллективной эксплуатации со стороны всей городской общины, в руки богатейших землевладельцев (что резко контрастирует с ситуацией в Московском княжестве). В новгородских пятинах к середине XV века всего 9 % «черных» государственных земель. Четверть земель находится в руках церкви, причем 5 % принадлежит непосредственно архиепископу. Две трети находится у частных владельцев – на правах вотчин, то есть наследственной родовой собственности.

Половина частных земель – в руках 60 человек! Таким образом приватизация государственного земельного фонда обогатила лишь узкий круг новгородского боярства. Подати, которые платили крестьяне, живущие в боярских вотчинах, в пять раз превышали подати, уплачиваемые черносошными крестьянами, которые преобладали в московском княжестве.

Новгородское боярство гораздо больше московской знати ориентировалось на внешний рынок, на экспорт дешевого сырья и получении товаров роскоши. Боярам хотелось немецких кунстштюков, поэтому на крестьян все сильнее давил податный пресс. Этим новгородская верхушка напоминала польско-литовское панство, хотя северно-русское крестьянство находилось в худших природных условиях, чем польско-литовское.

Соответственно собиранию экономической мощи в руках немногих, собиралась в тех же руках и реальная политическая власть. Новгородской республикой управляло, со второй половины XIV века, «собрание посадников», где в определенных пропорциях были представлены боярские кланы. Затем «совет господ» – это 300 боярских семей, владеющих новгородской землей. Исключительно из боярской знати формировалась вся чиновная верхушка Новгородской Руси. Даже торгово-ремесленное население Новгорода было подвластно боярской коллегии тысяцких.

Вече, некогда орган прямого волеизъявления городского населения, становится лишь орудием, которым манипулируют различные аристократические партии. На вече не было голосования. Пришел, пооорал, получил или дал в морду – на том демократическая процедура для новгородского простолюдина и заканчивалась. «Волеизъявление народа» нередко заканчивалось массовой дракой, применением оружия, и сбрасыванием проигравшей (хуже вооруженной и хуже оплаченной) стороны в Волхов. Некоторые исследователи считают, что со временем на вече стали допускать лишь около 500 владельцев городских усадеб.

В первой половине XV века количество случаев массового голода увеличивается – происходит нарастание экосоциального кризиса.

Для 1418 летопись свидетельствует: «Того же лета мор бысть страшен зело на люди в Великом Новегороде… и по властем (волостям) и селам. И толико велик бысть мор, яко

живии не успеваху мертвых погребати… и *многа села пусты бяху* (были) и во градах и в посадех и едва человек или детище живо обреташеся…»

О 1422 в летописи записано: «Той же осени… началася быти болезь коркотнаа в людех, и на зиму глад был… в Новегороде мертвых з голоду 3 скудельницы наметаша…» (Скудельницы, напомню, братские могилы, в которых погребали тысячи умерших.) Толпы голодающих ринулись в Псков, но местные власти запретили продавать пришлым хлеб. «…И накладоша тех пустотных в Пскове 4 скудельницы, а по пригородам и по волостем по могыльем в гробех покопано, то тем и числа нет».

Голодные годы шли один за другим, так целое десятилетие.

«А в Новегороде хлебъ дорогъ бысть не толко сего единого году, но всю десять летъ… и бысть скорбь и туга христьяномъ велми, толко слышати плачь и рыданье по улицам и по торгу; и *мнозе от глада падающе умираху*».[5] – говорит новгородская летопись о событиях 1440-х годов.

Имущественным и социальным расслоением в Новгороде были недовольны низовые купеческие и ремесленные слои, составляющие большинство городского населения. Поэтому часто голод сопровождался мощными социальными выступлениями.

В голодном 1418 году: «…Восста в Новегороде межиусобнаа брань, и бысть кровопролитье и убийства межи их много» и народ «много разграбиша домов боярскых… изграбиша дворов много».[6]

Для такого же голодного 1421 г. летопись содержит запись: «Того же лета Новегороде в Великом брань бысть и кровопролитие, возташе два конца, Наревский и Словенский… *бояр дворы разграбише и людей много избише*».

Археологические находки (в первую очередь, кожаная обувь и берестяные грамоты), а также размер уплаченной в 1428 году контрибуции литовцам (по рублю с 10 человек) показывает что к середине XV в. население Новгородчины сократилось, по сравнению с серединой XIV в., более чем вдвое.

Еще в первой половине XIV в. от Новгорода отделяется Псков и вскоре получает наместника от Москвы, а карельские племена устраивают кровопролитные восстания против новгородской власти.

С конца XIV в. начинается вооруженная борьба крестьянства и местной знати северных земель против новгородского боярства. В 1397 Новгород подавляет восстание в Двинской земле. На рубеже XIV–XV вв. Бежецкий Волок, Волок Ламский, Вологда, белозерские и и некоторые двинские земли переходят под власть московского великого князя, становятся черными волостями, без господской власти, с общинным самоуправлением.

К середине XV в. Новгород практически утрачивает способность к обороне северо-западных рубежей Руси. Простонародье не имело денег на военное снаряжение. Отряды крупных феодалов не умели взимодействовать между собой и с городским ополчением.

Новгородская верхушка рассматривает вопрос о переходе под власть Литвы, что показывает сговор 1444 года с королем Казимиром и события 1470-х, когда партия Борецких готовила сдачу города литовцам. Тогда король Казимир уже послал в Новгород наместника, литовского князя, который должен был организовать совместную борьбу Литвы и Новгорода против Москвы. Однако новгородские городские низы и крестьянство не хотели воевать против «собирателя русских земель» Ивана III, что и показало сражение на Шелони в 1471.

---

[5] Новгородская первая летопись младшего извода. В кн: Полное собрание русских летописей. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 425.

[6] Новгородская первая летопись младшего извода. В кн: Полное собрание русских летописей. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 409.

Насильно выгнанные в поле «горшечники» и прочий черный новгородский люд, всё 30-тысячное новгородское войско, охотно драпало от московской дружины, которая была раз в десять меньше.

Одной из излюбленных тем наших псевдориков, начиная с «основоположника» Карамзина, является противопоставление «новгородской демократии» (якобы союзной с Западом, богатой, развитой) и «московской тирании». Промывание мозгов прошло успешно и сегодня большинство населения уверено, что «новгородская республика» погибла только потому, что была мирной и не умела защищаться против московских агрессоров.

Меж тем достаточно лишь немного любопытства, чтобы убедится – новгородская феодальная республика рухнула по внутренним причинам, и Москва лишь подтолкнула падающее тело – для ускорения процесса.

Если бы Новгородская Русь перешла бы под власть Польши и Литвы, то она бы разделила бы жалкую участь всех западно-русских земель, подверглась бы окатоличиванию, ополячиванию и запустению – очень трудно представить польских панов, осваивающих побережье Белого моря и Пермский край. (В состоянии пустыни, Дикого Поля, пребывали литовско-польские территории к югу и востоку от Киева). А, учитывая польские «перспективы», новгородская земля, скорее всего, стала бы добычей какого-нибудь западно-европейского колониального хищника.

Без новгородских земель не было бы и московского государства; оно, скорее всего, не устояло бы в борьбе за выживание. Представим удар по московскому княжеству, нанесенный с четырех сторон, с запада, севера, востока, и юга. Московские земли были бы разделены между Польшей, турецкими вассалами (Казань, Крым) и Швецией. А в итоге разоренное окско-волжское междуречье сделалось бы добычей западно-европейского колониального хищника, упомянутого в предыдущем абзаце. Предположим, что это была бы Англия.

Вот прекрасно, скажет псевдорик – получилась бы вторая Канада.

Да, наверное, была бы вторая Канада – миллионов двадцать англоязычного населения, среди него остатки московитского аборигенного населения в резервациях. Не было бы ни великой русской колонизации северной Евразии, ни русской цивилизации с ее культурными, научными, техническими, военными достижениями.

История не терпит сослагательного наклонения. И я рассматривая некие исторические альтернативы только для того, чтобы показать, не тираны и не рабы сделали историю нашей страны такой, какая она есть. Объективные законы развития открытых социальных систем, взаимодействующих с тем или иным типом внешней среды, определяют исторические пути.

Русь Полевая. Московская

Некоторые историки говорят, что московские князья обслуживали ордынскую власть, что перенимали ее стиль управления. Наверное, некоторые историки хотели бы, чтобы Иван Калита на манер Святослава прокричал «иду на ты» и сложил свою буйну голову под кусты, вместе со всем московским народонаселением. Или надо было ждать открытия «второго фронта» от западный союзников? Но совсем недавно (1204 г.) западные союзники выпотрошили доверившуюся им Византию, сделав неотвратимым ее падение под натиском турок; только что Запад проглотил разоренные западно-русские земли, впился в Псков и Смоленск, пошел за Днепр и вниз по Оке, навалился на Новгород, отрывая от него кусок за куском.

Ускорителями московской фазы были два ивана – великие князья Иван Данилович Калита и Иван III. Именно они создали мощное русское государство в отчаянно неудачных условиях, государство, которого, по идее, не должно было быть. Именно этим двум иванам обязаны своим сегодняшним существованием минимум сто пятьдесят миллионов человек и славная российская культура. Кстати, в XIV–XV вв. этноним «Русь» превратился в топоним «Русия» (именно так и писалось название страны русских).

Ничего, кроме организационного оружия, у Ивана Даниловича и Ивана III Васильевича не было. Русь оставалась крайне слабой в производительном отношении, бедной страной, опирающейся на рискованное земледелие, со слабым животноводством, отрезанной от мировых торговых путей – Афанасий Никитин попробовал заняться внешней торговлей, и это стоило ему полного разорения и жизни.

Интеллектом Ивана Даниловича Калиты была рождена сорокалетняя московская оттепель без татарских погромов; время спокойной сельскохозяйственной колонизации междуречья Волги и Оки в относительно благоприятный климатический период.

В этом междуречье происходило торможение миграционных потоков, идущих с запада и юго-запада. Путь за Волгу, к северо-востоку, был стеснен условиями неблагоприятными для земледелия, к востоку и юго-востоку отрезан кипчакскими кочевьями.

Экономически это было время, когда подсечное и переложное земледелие, в связи с ростом населения, постепенно уступало место смешанной переложно-паровой системе, а также двухпольному и трехпольному земледелию. Последнее требовало достаточной густоты рабочих рук и осуществлялось на опольях, находящихся под защитой великокняжеского войска.

На смену двух и трехдворным лесным деревенькам не слишком поспешно приходили большие деревни.

В ряды московского черногосошного крестьянства стекались сельские переселенцы из разоренного монголами и литовцами Поднепровья, с новгородского боярского северо-запада и даже с захваченных турками Балкан.

Москва стала плавильным котлом для всех восточных, западных, южных славян. Ядром славянства. Здесь селятся те же кривичи, что в Смоленске и Полоцке, те же поляне, что в Киеве, те же вятичи, что в Черниговских землях. Так что всякий «чистый славянин» и «истинный русский», оскорбляющий москаля за какие-то «смешения», оскорбляет и самого себя.

Крестьян-переселенцев привлекала и безопасность, и ничтожность податей (примерно десятина, а не половина урожая, которую отдавали новгородские половники), и самоуправление крестьянских общин. Крестьяне на сходе выбирали общинные власти и распределяли налоги. Московскому княжеству на протяжении первых двух с половиной веков не известны ни крестьянские выступления, ни городские бунты. В это время московские крестьяне обрабатывали наиболее удобные земли, с максимальным естественным плодородием.

Стекались в Московское княжество и воины со всех концов Руси, как, например, последние киевские дружинники во главе с Родионом Нестеровичем, численностью около 1700 человек.

Оттепель, климатическая и военная, породила непуганную московскую рать, которая, почти в одиночку, без участия других крупных княжеств, рискнула выехать в поле против мамаевой Орды. Кто тут может упрекнуть московита в трусости или коварстве? Тверитяне, новгородцы, псковичи, смольняне, рязанцы все отсиделись по своим углам. Тверитяне занимались тем, что громили новгородский удел при помощи татар, а потом вели литовских варваров на Москву. А западные русские, волей своих литовских властителей, были на стороне Мамая и Тохтамыша. Целиком и полностью. Также как и сто лет спустя, во время походов хана Ахмата и Стояния на Угре.

Уже в 1382 г. Москва, которая в одиночку спалила все свои силы на Куликовом поле, была практические вырезана ханом Тохтамышем. Поэтому все псевдорики, которые начинают клеймить ужасы самодержавия после восшествия Ивана III, пусть вспомнят десятки тысяч трупов, лежащих тогда на улицах Москвы – еще один результат русской усобицы.

Благодаря ей иго держалось большую часть XV века, когда от Золотой Орды (разбитой великим Тамерланом) осталось фактически одно воспоминание.

После Едигеева нашествия 1408 г. на Москву пришел неурожай 1417–1418, связанный с экстремальными холодами, к голоду присоединилась чума, потом первая внутримосковская смута, которой активно пользовались внешние враги. «…А землю русскую остаток истратиша, межи собой бранячися» – глаголет летопись об усобице между великим князем Василием II и другими московскими князьями. Стереотип поведения, заложенный в варяго-русский период, породил еще один виток кровавых распрей. В это время в московской земле исчезла пятая часть деревень.

Орда разделилась на несколько орд и ханств, которые жили от грабежа Руси, а та билась перед ними в конвульсиях феодальной войны.

Великий князь Василий II вывел против хана Улуг-Мухаммеда на Нерль, в 1433, только полторы тысяч воинов, был разбит и взят в плен. И враги уводили русских в рабство «без счета».

Но порыв к объединению стал уже частью общерусской веры, поэтому москвичи заплатили за выкуп из плена своего князя невероятную по тем временам сумму в 200 тысяч рублей.

Иван III начинал с крохотного московского княжества. По выражению И. Солоневича, к этому времени «От колоссального древнерусского государства, занимавшего все пространство великой Восточноевропейской равнины, осталось меньше десятой части – всего около 50 тысяч кв. км „тощего суглинка“». Всего лишь небольшой клок неплодородной земли, затерявшейся в лесах между Окой и верхней Волгой и выплачивающих татарский «выход». Нет еще ни одного квадратного километра русской территории, не находящейся под иноземным господством, татарским или литовским. Таков был результат, и отнюдь не тирании, а распущенной вольности русской элиты.

Прежний код существования исчерпал себя полностью уже тогда, когда Древняя Русь погибла под татарскими саблями. И московская Русь находит его.

Московским «ноу-хау» была крепкая власть, которая опиралась не только и не столько на принуждение – невозможно принуждать народ, разбросанный по тысячам лесных деревенек. Невозможно и по чисто техническим причинам.

Любое государство возникает, когда оно кому-нибудь нужно. Сильная власть появляется, когда она нужно большой массе людей ради выживания.

Мощное московское государство было создано своего рода негласным «общественным договором», как орган мобилизации и даже самоэксплуатации общества. В этом «договоре»

верховная власть обязывалась защищать территорию, обычаи, веру, а народ оказывать доверие власти.

Результат не замедлил себя ждать. Освобождение от монголо-татарского ига и присоединение Новгородской Руси произошло без особой борьбы, однако с преодолением литовских козней.

Иван III согласился, чтобы новгородцы по прежнему не ходили на суд в Москву и не несли службы за пределами Новгородских земель. Из земских властей он убрал только давно выродившее новгородское вече и боярского ставленника, именуемого посадником. Из новгородских боярских владений был создан земельный фонд для поместных дач служилым людям.

Реконкиста западно-русских земель, оккупированных Литвой, также шла быстрыми темпами и в московско-литовскую войну 1492–1494 гг. даже не потребовало вовлечения великокняжеских войск.

Легкое «собирание» новгородских, псковских, верхнеокских, северских, тверских, рязанских земель было следствием того, что русское простонародье принимало московское правление, обеспечивающее традиционную общинную жизнь, прекращение господских усобиц, частных войн и боярского гнета. Московская система привлекала низкими налогами и общинным самоуправлением. Если применить современный модный термин, то московское единодержавие оказалось более конкурентноспособным, чем новгородская и польско-литовская системы, не смотря на их большую «западность».

Существенным фактором было и то, что московский государь мог легко собрать большое войско и защитить землю от вражеского набега; он делал это гораздо лучше, чем новгородские и литовские власти. Этот фактор играл большую роль и для землевладельцев. Важное значение имел и религиозный фактор. После поражения православных князей в литовской гражданской войне 1430-х гг., не только русское простонародье Литвы, но и значительная часть литовско-русской знати смотрела на Москву, как на единственную защитницу православия и русской культуры.

Принятие Иваном III титула «государя всея Руси» означало восстановление древнего права династии Рюриковичей на управление всеми русскими землями, и также то, что Литва, Польша, Ливония, Швеция владеют русскими черноземами и русскими выходами к морям незаконно. Российская власть обозначала себя как «самодержавная», то есть «независимая» (а вовсе не автократическая). Начиная с Ивана III московские государи *сами держали* власть, не нуждаясь в ярлыках на правление, от кого бы то ни было.

Заметим, что, помимо московского великого князя, ни один русский правитель не ставил перед собой задачи собирания русских земель, задачи освобождения от иностранного господства, задачи прекращения феодальной розни в масштабах всей Руси. В этих вопросах конкурентов у московского самодержца не было.

С последней трети XV в. западные соседи России стали осознавать, что на месте геополитической черной дыры появилось государство, угрожающее их интересам. И это им сильно не понравилось.

С. М. Соловьев пишет: «Едва только Россия начала справляться с Востоком, как на западе явились враги более опасные по своим средствам. Наша многострадальная Москва, основанная в средине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, боронить от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с неимоверным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить глав-

ное благо – народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско».

Россия фактически охраняли Запад от Востока, а Восток от Запада, но ненавидели ее и те, и другие.

Устойчивость для нового русского государство (которую можно назвать Русь Полевая) означала в первую очередь создание всеобщих условий для безопасной жизни и ведения хозяйства. Никакого инструментария, кроме централизации власти и мобилизации имеющихся сил, у государства не было – а это означало безжалостную рубку всех избыточных организационных связей, сокращение точек входа в систему для агрессивной внешней среды. Бояре лишались права отъезда в Литву, земли и доходы перераспределялись в пользу государевых служилых людей, несущих военную и пограничную службу.

Многие исследователи заметили, что в Московской Руси существовало своего рода двоевластие. С одной стороны государь-самодержец. С другой – наследники удельных властителей, тех варяго-русских князей и бояр, что погубили старое русское государство. Они составляли московский правящий слой. И властный конфликт не мог быть решен мирными средствами.

Проблемы усугублялись и нарастающим несоответствием между производительностью сельского хозяйства и быстро увеличивающимся русским населением.

За период конца XV, начала XVI вв. – благодаря благоприятным социальным и климатическими факторам – население в присоединенных новгородских землях увеличилось в полтора раза и достигло 1,2 млн человек. В наиболее густонаселенных Шелонской и Бежецкой пятинах прирост составил до сорока процентов.

Рост населения в центральных областях Московского государства был еще больше. Хотя переписи там не производились, сохранившиеся документы показывают, что количество дворов увеличилось в 2–3 раза.

Общее население Московской Руси, составлявшее в 1480 около 2,1 млн. человек, к середине XVI века увеличилось, по оценкам С. М. Середонина, до 7–8 млн. (даже с учетом территориального расширения, темпы прироста очень велики).

Однако соответственно росту населения происходило уменьшение средних размеров крестьянских наделов. Нормой крестьянского надела в начале XVI века было пять десятин, в середине века чаще встречаются наделы в две с половиной, три и четыре десятины. Для новгородских пятин и псковских земель крестьянская запашка на двор сокращается в три раза. И это означает нехватку продовольствия, недопотребление.

В 1520 году зафиксирован первый в XVI столетии скачок цен на хлеб и далее рост цен происходит беспрерывно. Крестьяне начинают уходить в города, в расчете на занятость в торговле и ремеслах, это ведет к уменьшению подденой платы в ремеслах.

На северо-западе Руси начинается сокращение численности населения. В 1522 в Пскове «много дворов вымерло и стояли пусты», в скудельницах захоронено 11,5 тыс. человек. В 1527 в Новгороде «… мор зело страшен».[7] К 1540 в Вотской пятине население уменьшилось на 40 %, а в Деревской на 17 %, по сравнению с 1500 г. Во времена великого князя Василия III сюда четыре раза приходит чума – а эпидемии практически всегда связаны с недоеданием.[8]

Первый раз летописи фиксируют голод в центральных районах в 1526: «глад велик зело, множество людей маломощных з голоду мерло». Далее голодные годы начинают повторятся регулярно. «Если в начале XVI века на периферии старых владений еще есть резерв

[7] Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988, с.309.

[8] Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л. 1978, с. 178.

годных к освоению земель, то к середине XVI века он полностью исчерпывается, как например, во владениях Троице-Сергиева монастыря близ Углича».[9]

Исследования С. А. Нефедова (опиравшегося на теорию демографических циклов в условиях ограниченности ресурсов Р. Пирла) показали, что резервы экономического роста Московского государства были израсходованы в первой трети XVI века.

В доиндустриальных обществах, когда ресурс свободных и удобных пахотных земель исчерпан, растущее население приступает к обработке менее продуктивных земель. Начинается борьба за землю. Она становится более ценным ресурсом для элиты, которая стремится закрепить ее в собственность, растут подати и задолженности сельских тружеников перед землевладельцами, уровень потребления падает, растет смертность.

Нехватка свободных земель для новой пашни определялась и замедлением московской территориальной экспансии. При великом князей Василии III к Московской Руси были присоединены Смоленское, Псковское и Рязанское княжества, но первые два не имели ресурсов свободных пахотных земель, последнее подвергалась постоянным нашествиям крымских татар.

С запада и северо-запада Русь была сдавлена Литвой, Ливонией и Швецией.

Плодородные земли, лежащие к югу и юго-востоку от исторического центра русской государственности, были отсечены «Диким Полем», где хозяйничали кочевники.

Ледяной север и северо-восток не давали возможности массовой сельскохозяйственной колонизации. Русское крестьянство могло двигаться на восток, лишь огибая к северу казанские владения, ведь казанцы держали под ударом и Вятку. Русские земли в пермском крае и на Урале находились под угрозой набегов, как казанцев с Камы, так и Сибирского ханства и вассальных ему югорских племен.

Русь была крепка заперта в кругу враждебных соседей.

Морские торговые пути, ведущие в Европу, по-прежнему находились под плотным контролем Ганзы, Ливонии и Швеции. Западные соседи не пропускали в Россию ремесленников и новые технологии, не дозволяли самостоятельного русского мореплавания, но, в то же время, имели замечательные барыши, скупая дешевые русские товары. В это время в западной Европе как раз происходит «революция цен», ценовой скачок, связанный с притоком южноамериканского серебра. Торговые пути, ведущие в восточные страны, контролировались Казанью и Астраханью.

Пенька, лен, воск, шкурки белок, мед. Скудость производительных сил ярко выражалась в составе русского экспорта.

Поскольку внешние рынки были доступной только через посредников, присвающих львиную долю прибыли, они не могли стимулировать развитие городов. Мешали накоплению торговых капиталов и высокие транспортые расходы, ввиду большой протяженности и сезонности транспортных путей. Даже после открытия торговли через Белое море, западные товары должны были доставляться на наши беломорские пристани летом, а перевозиться по суше зимой, на санях. Для промежуточного хранения грузов надо было строить склады в Холмогорах и Вологде. Перевозка длилась долгими месяцами, это замедляло оборачиваемость средств и снижало прибыльность.

Выход из замкнутого круга геоэкономических и геополитических проблем означал войну, почти постоянное ведение боевых действий на всех рубежах. С каждым десятилетием увеличивалось количество войн и нашествий; в первой половине XVI века на один мирный год приходилось два военных.

Уже к 1507 г., к началу первой смоленской войны, цепь врагов замыкается. Швеция, Польша, Литва, Ливония, Ногайские Орды, Крымское, Казанское, Астраханское и Сибир-

[9] Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. с. 233.

ское ханства, Османская империя не в силах завоевать и расчленить Московское государство, но, тем не менее, осуществляют эффективную его блокаду, нередко предпринимая и скоординированные наступательные действия (как, например, в 1517, 1521, 1534, 1535, 1541, 1552 годах).

Ни север, ни юг, ни запад, ни восток страны не защищены от вражеских нашествий. У Московской Руси фактически нет тыла. Муром, Владимир, Вятка и Ладога точно также находятся под ударом как Рязань, Тула и Смоленск. Десятки тысяч русских ратников уходят каждую весну на охрану оборонительных рубежей, которые проходят в 60–70 верстах от Москвы, по берегу Оки. Набеги татар, которые случаются и по два раза в год, обходятся стране в тысячи жизней, и русские рабы продаются на рынках крымского и астраханского ханств по бросовым ценам.

Медлительность и нерешительность в конфликтах с Казанью отчасти происходила из-за страха войны на два фронта – против казанского хана и крайне подвижного войска крымского хана. Сил на такую войну у московского государства не было. В итоге, оно терпело опустошения, производимые как крымцами, так и казанцами.

Ограбление русской территории являлось, по сути, основной статьей «национального дохода» в Крымском ханстве. В набег уходило практически все мужское население этого государства. Лишь меньшая часть войска принимала участие в боях, остальные занимались «сбором урожая» на русских землях. Основное внимание уделялось русским детям – этот «живой товар» было удобней всего перевозить в седельных корзинах. Занемогшего в пути ребенка немедленно убивали. В годы, когда набег не удавался, в крымском ханстве обычно случался голод и начинались междоусобицы. На правление династии Гиреев в Казанском ханстве приходится и пик набегов на русские земли с востока.

В. О. Ключевский пишет: «Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество. Между тем Западная Европа, освободившись от магометанского напора, обратилась за океан, в Новый Свет, где нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума, эксплуатируя его нетронутые богатства».

Рывки цен на хлеб 1520–1540-х были часто связаны с крымскими и казанскими нашествиями, ведь разорениям подвергались районы, наиболее благоприятные для ведения земледелия – владимирское Ополье, долина Оки и земли к югу от нее.

Обострение экономической ситуации после 1520 г. связано и с климатическими изменениями. Начинается уменьшение среднегодовых температур, а вместе с тем растет число погодных аномалий. На протяжении последующих 50 лет редкий год не отмечается экстремальными метеорологическими явлениями – засуха, продожительные дожди, летние заморозки, все это губит или сокращает урожай. Происходит изменение климата, известное как «малый ледниковый период».

В 1524 г. «зима добро студена и стояла до Троицына дня (24 мая)». Годом позже была засуха с мая до середины августа, «земля горела» и «не родилось никакое жито». На следующий год опять был неурожай. 22 сентября 1528 выпал снег на «две пяди» и лежал полтора месяца. Летом следующего года ветром сносило хоромы; бури и грозы погубили урожай. В 1533 «великое бездожие», выгорело множество сел. В 1536 и 1537 из-за гроз сгорели почти полностью Ярославль и Тверь. В 1541 остервенела саранча, «поела жито, ярь и траву, коренья выгрызала»; был голодный год. В 1546 в Москве с сентября лежал глубокий снег. На следующий год уже весной пришла «засуха великая» и даже «суда на Москве реке обсушило».[10]

[10] Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988, с. 310–35

Конечно, и Европу настигали климатические потрясения и метеорологические аномалии – но они сглаживались Гольфстримом. Поэтому даже в климатически неустойчивый XVI век количество экстремумов в Англии было в несколько раз ниже, чем в России. Замена зерновых культур на кормовые, что происходило в Англии во время малого ледникового периода, было недоступно России.

Английские землевладельцы переходили на выращивание клевера, турнепса и других трав, которым кормили скотину, а та уже снабжала навозом оставшиеся посевы зерновых. Естественно, что при переориентации на скотоводство, землевладельцам требовалось меньше крестьян – те пополняли толпы обезземеленных бродяг, число которых сокращали палачи и работные дома. Значительная часть крестьян превращалась в сверхдешевые рабочие руки для мануфактур – в городах-портах, вовлеченных в мировую торговлю. Английские буржуа, накапливая средства за счет нищеты своих работников, создавали многоотраслевое хозяйство; вместе с обменом результатами труда шел и технологический прогресс. Доступ к незамерзающим водным коммуникациям переводило прогресс на новый качественный уровень, когда обмен результатами труда становился глобальным. А потом начиналось накопление капиталов за счет неэкивалентного торгового обмена с отсталыми странами, за счет грабежа колоний.

У нас таких возможностей не было. Наше население не могло рассчитывать на привозной хлеб и большое количество рабочих мест в городах.

Изменения климата ставили рискованное русское сельское хозяйство в еще более уязвимое положение. Как пишет Ю. В. Латов: «Климатические колебания слабее влияли на цивилизации с высоким запасом прочности и гораздо сильнее – на цивилизации рискованного агрохозяйства».

В 1548–1549 голод охватил все северные районы страны. «Людей с голоду мерло много», лаконично сообщает летопись о событиях на северной Двине. И десять лет спустя на Северной Двине пустовало до 40 % пашни.

В 1552–53 гг. в Новгороде и Пскове от голода и эпидемии погибло не менее тридцати тысяч человек, по данным некоторых летописей даже 280 тысяч человек. Согласно Татищеву, в это время «в Новгороде (пятинах) и Пскове умерло от мора 500 000 человек».

В 1556–57 гг. голод охватил северное Заволжье, затронул и центральные регионы. «Бысть глад на земли, по всем московским и по всей земли, а больше Заволжье все: во время жатвы дожди были великие, а за Волгой во всех местах мороз весь хлеб побил; и *множество народа от глада изомроша по всем городам*».

Исследователи климата Клименко и Слепцов считают, что именно на периоды похолодания и засух приходятся наиболее мощные мобилизационные усилия русского государства, которое как бы выступает на помощь обществу.

При нашем низком плодородии и низкой плотности населения, когда земледелие поглощало весь прирост рабочей силы, а войско – почти весь прибавочный продукт, не было шансов на возникновение развитого городского хозяйства «самотеком».

Накоплением средств, созданием и развитием крупных производств, импортом технических нововведений, построением хорошо оснащенной армии будет у нас заниматься государство.

Государственная машина в России должна была, как пишет академик Милов, «форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленного и промышленного производства, постоянная

313.

нехватка рабочих рук в земледелии экстенсивного типа и их острое отсутствие в области потенциального промышленного развития».

Сильное государство в России принимало на себя функции слабого, в экономическом и военном отношении, общества, в первую очередь ради сбережения самого общества.

При ЛЮБОМ ответственном и волевом правителе, в середине XVI века Россия стояла на пороге «революции сверху» – жестко-централистских мобилизационных мероприятиях.

Московская Русь XVI века нуждается даже не в честном историке, а в честном географе.

Автор этих строк читал прекрасные работы, посвященные влиянию климата и климатических изменений, почв, вод и других экологических факторов на политическую и хозяйственную историю Англии, Гренландии, индейцев Майя и т. д. У нас же, до недавнего появления работы академика Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», ни один историк не предпринимал серьезных попыток попыток определить, КАК в нашей стране естественная среда обитания влияла на хозяйственные отношения, на общественные и государственные институты. Это за двести лет существования науки история в нашей стране, если считать Карамзина историком! В стране, которая занимала (до недавнего времени) одну шестую часть земной суши!

Восклицательные знаки можно ставить бесконечно. Зато за эти двести лет российские историки столько раз повторили слов «тирания», «деспотизм», «свобода», «демократия», что из них наверное можно было бы выложить дорожку от Земли до Марса.

Автор этих строк не является сторонником абсолютизации природных обстоятельств, но в истории успешных цивилизаций мы всегда находим какой-либо естественный фактор, который дает толчок накоплению средств, быстрому технологическому и социальному развитию.

Древне-восточные цивилизации (Египет, Шумер, Хараппская и китайская цивилизация) возникают в долинах могучих рек, несущих массы плодородного ила или служащих прекрасными транспортными коммуникациями. Швейцария стоит на транзитных путях между северной и южной Европой и в то же время защищена горами от врагов. Нидерландские торговые города возникают на соединениях больших европейских рек и морских коммуникаций. Средневековые итальянские города на протяжении столетий контролируют торговлю и морские перевозки восточного Средиземноморья и Черного моря – в первую очередь потому, что к востоку от Италии все их конкуренты попадают под удар азиатских нашествий. Англия, обладающая массой удобных незамерзающих гаваней и защищенная водами от внешних нашествий, естественным образом обращается на покорение морей и освоение заморских колоний. Везение этим не исчерпывается – залежи каменного угля и железных руд находятся неподалеку от портов. Средства, добытые морской торговлей и эксплуатацией (грабежом) колоний идут на развитие припортовых мануфактур и фабрик. Расцвет шведского великодержавия середины XVII века и шведская промышленная революция середины XIX века связаны с нахождением богатых железнорудных и меднорудных месторождений вблизи от незамерзающих западных шведских и норвежских портов.

«Изобретением» Московской Руси (единственно возможным в тех условиях) было государство, как орган мобилизации общества в борьбе со внешней средой. Да, это государство было аппаратом насилия, как и любое другое. Но других вариантов выживания у русского народа не было.

Иван Васильевич первый, но не последний правитель России, который будет решать задачу ускоренного развития в условиях дефицита времени и ресурсов. Таких правителей критиковать легко, но они за короткий срок пытались решить проблемы, тяжесть которых нарастала столетиями. Они решали задачи, которые были накоплены за счет объективных

обстоятельств, за счет длинных зим и бесконечных дорог, а также за счет лени, транжирства, беспечности предыдущих правителей и правящих слоев.

Целью этой книги не является прославление Ивана Васильевича. Целью этой книги является объяснение эпохи из неё самой, а личности из эпохи.

Европа XVI века. Переход к новому времени

Западная Европа

Юность Ивана приходится на особое время, когда по всей Европе крайне обострились противоречия, связанные с переходом к обществу Нового времени.

Новая Европа борется против старой Европы.

Старая Европа – это социальные слои, связанные с замкнутым нетоварным или мелкотоварным хозяйством. Борьба старого и нового выступает в фоне религиозных войн и преследований за веру, «охоты на ведьм» и борьбы с ересями.

Часто на стороне старой Европы выступает родовая аристократия, оставшаяся от времен феодальной раздробленности, на стороне новой – монархия, представляющее централизованное государство, новую бюрократию и растущие торгово-промышленные слои.

Однако движение вперед происходит неравномерно. В одних странах, королевская власть, ломает сопротивление родовой аристократии, отбирает земельные имущества у нее и монастырей, разрушает отсталые виды земледелия, превращая земледельцев в батраков и рабочих.

В других странах родовая аристократия привлекает на свою сторону землевладельцев, подчиняет королевскую власть, ужесточает отсталые методы эксплуатации крестьянства ради наращивания сырьевого экспорта.

Европейские войны первой половины XVI века идут параллельно с военной революцией – коренными преобразованиями в военной технике, тактике и стратегии. Это связано с переходом к постоянным наемным армиям, вооруженным огнестрельным оружием.

На военную тактику европейцев окажет воздействие победоносная Османская империя, давшая образец постоянной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Даже конструкция испанской аркебузы будет позаимствована у османов.

В Англии значительная часть родовой аристократии (человеческие ресурсы феодальной системы) погибла еще во времена войны Алой и Белой Роз, Ланкастеров и Йорков.

Генрих VIII Тюдор рубит головы оставшимся аристократам и вешает обезземеленных крестьян (которых сгоняли с земли, снося целые деревни). В английском законодательстве определены тысячи преступлений, за которые полагается казнь, в том числе за кражу на сумму более 2 шиллингов (стоимость курицы).

Коронные суды пачками отправляют на виселицу таких «преступников» – 72 тысячи только во времена Генриха VIII.

В Англии и Франции принимаются кровожадные законы-статуты "против бродяг и нищих", то есть ограбленных крестьян (1495, 1536, 1547, 1563, 1572,1598 гг.). Обвиненные в "бродяжничестве" подвергаются бичеванию ("пока тело его не будет все покрыто кровью"), клеймению, временной или пожизненной отдаче в рабство. Для бродяг учреждаются "работные" и "исправительные" дома концлагерного типа (акты 1530, 1547, 1576 гг.), при неоднократных побегах из таких заведений дают высшую меру. Сутью этих процессов было превращение основной массы населения из сословия собственников-крестьян в пролетариев – рабов у коллективного капиталиста. Голодный пролетариат вынужден был отдавать свой труд ближайшему нанимателю по любой (то есть минимальной) цене. Альтернатива – истязание и смерть.

Инквизиторскими «тройками» и протестантскими трибуналами безжалостно уничтожаются так называемые «ведьмы», в принципе те же излишки населения, созерцатели не годящиеся в новое рациональное общество.

Османская сверхдержава отрезает Европу от традиционных торговых и грабительский путей в восточное Средиземноморье и переднюю Азию.

Европа XVI века страшно боится турок и упорно ищет обходные пути в богатые восточные страны. Символом восточного великолепия является Индия. «Индией» называют и острова Карибского моря, и американский континент, и Молуккские острова, и Яву, и Вьетнам. Европейцы говорят «Индия» и подразумевают не цивилизованную торговлю, не обмен европейских гвоздей и топоров на индийские самоцветы, шелка и муслины, а грубое овладение всем тем, до чего дотянутся руки. Кристофор Колумб в Вест-Индии, Аффонсу Альбукерке в Ост-Индии дают старт невиданному грабежу в истории человечества, который сегодня стыдливо называется то эпохой первоначального накопления капитала, то эпохой великих географических открытий, то еще как-нибудь.

Вслед за испанцами и португальцами тянутся англичане и нидерландцы.

Как деликатно выразился Ключевский: «Западная Европа, освободившись от магометанского напора, обратилась за океан, в Новый Свет, где нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума, эксплуатируя его нетронутые богатства».

Если точнее, Западная Европа приступает к потрошению и разделу мира, глотая слабые цивилизации и реликтовые культуры.

Богатства были чужие, но это мелочь, для их «эксплуатации» требовалась рабочая сила, желательно неоплачиваемая.

Первые плантации были созданы испанцами в начале XVI в. в Вест-Индии на Гаити. Утвердившись на островах Карибского моря, плантационная система распространяется в Мексике, в Южной Америке.

В 1540-х годах в Кордильерах испанцы обнаруживают «серебряную гору» Потоси. Десятки тысяч индейцев прорывают многокилометровые штольни и строят 132 дробильные мельницы – эти рудники начинают давать ежегодно до 200 тонн серебра.

За период 1545–60 его добыча возрастает до 10 млн тройских унций в среднем за год. Помимо Перу открыты месторождения серебра в Мексике.

Американские рудники и плантации обогащают Западную Европу, но становятся фабриками смерти для самих коренных американцев. В Мексике погибает 9/10 её прежнего многочисленного населения, насчитывающего 20–30 миллионов человек. Из десяти миллионов жителей Перу выживает не более 1–2 миллионов. Ввиду быстрой убыли нестойкого индейского населения, его начнут менять на негров.

Негроторговлей первыми занялись португальцы еще в 1460-х, снабжая рабочей силой сахарные плантации на своих островных владениях у берега Западной Африки.

Первая «пробная» партия негров-рабов в Новый свет была доставлена испанцами в 1510 г.

В 1518 г. был заключен первый договор между колониальными властями и частными работорговцами о поставке в Вест-Индию негров-рабов из западной Африки.

А спустя несколько десятков лет рабская сила вовсю начнёт перекачиваться из Африки в Америку через трансатлантический «рабопровод». Создают его испанские работорговцы, действующие на основе т. н. «асьенто» (договоров об обеспечении колоний рабочей силой), затем подключатся со всем размахом физические и юридические лица Нидерландов, Франции и Англии. Парусники-слейверы станут доставлять до 100 тысяч трудоголиков-негров в год, следом за судами будут плыть косяки акул, питающихся человечиной. Так переход к Новому времени произвел «второе издание рабства».

Гулаг изобрели на Западе – если под гулагом понимать массовое использование рабского труда для получения средств, используемых в других более развитых отраслях хозяйства.

Если назвать гулагом систему, при которой рабский труд является основой накоплений для высокоразвитых отраслей экономики – то вот он здесь, многовековой, прожорливый.

Западный гулаг просуществует три века и сыграет огромную роль в производственном накоплении и в переходе «свободных наций» к развитому так называемому "демократическому обществу", обществу массового потребления.

Рабство и работорговля будут существовать ровно до перехода индустриальной революции в решающую необратимую фазу, например в Британии до 1833 (работорговля до 1807), во Франции до 1848, в США до 1865 года.

Не добродетели и свободы стали основой хозяйственного и социального прогресса Запада, а умение получать энергию из слабых социумов. Для каждой системы-вампира должна существовать система-донор.

Если попробовать подсчитать количество жертв, хотя бы первых 70 лет после 1492 года (этот год можно считать символическим началом перехода к капиталистическому обществу), то оно составит до полусотни миллионов человек. И это при населении Земли гораздо меньшем, чем в трагичном двадцатом веке…

Нидерланды включаются в работорговлю и эксплуатацию колоний, еще находясь в составе огромной Испанской империи. Нидерландские купцы активно участвуют в вывозе южноамериканских ресурсов – задолго до знаменитой буржуазной революции начинают богатеть нидерландские города-порты, особенно Антверпен. Здесь сочетались огромные мануфактуры и потоки судов, которые привозили колониальное сырье со всех концов испанской и португальской колониальных империй. Нидерландцы вытеснили Ганзу с Северного моря, стали теснить ее на Балтике, откуда они вывозили дешевую восточноевропейские пшеницу, лес, пушнину, лен.

Затем нидерландцы займутся эксплуатацией колоний, разбросанных по всему миру, сочетая прямой грабеж, плантационное рабское хозяйство, широкий контроль над производством и торговлей «южных морей» при помощи коммерческо-пиратских компаний, Вест-индской и Ост-индской. Например, голландская Ост-индская компания будет принуждать крестьян Индонезии и Цейлона возделывать на лучших землях «колониальные товары» и сдавать их на склады компании по низким ценам. Любое неповиновение будет беспощадно караться. Только компания будет иметь право на вывоз этих товаров и продажу их на амстердамской бирже по монопольно высоким ценам.

Пребывание вместе с Испанией в одной империи, под властью Карла V, даст огромный толчок и развитию финансовой системы, ремесел и мануфактур в юго-западной Германии.

Вместе с испанцами в эксплуатации Америк участвует немецкая финансовая элита. Эксплуатацией рудников в Южной Америке занимаются южногерманские финансовые кланы Фуггеров и Вельзеров. Первые, за 1511–1546, увеличивают капитал с 200 тыс. до 7 млн. рейнских гульденов, закрепляют за собой монопольное положение в торговле американским и европейским серебром. Последние, в 1528, получают от испанского правительства право на эксплуатацию богатств Венесуэлы.

Вся Западная Европа купалась в южноамериканском золоте и серебре. Испанец считался человеком небогатым, если у него не было 800 дюжин золотых и серебряных тарелок и 200 таких же блюд. Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Кельн, Франкфурт-на-Майне славились своим производством предметов роскоши. В Нюрнберге прессовали золото, серебро и другие драгоценные металлы. Нидерланды славились огранкой драгоценных камней и резкой по ним. Эмалирование и финифтяная живопись были распространены в Германии, Нидерландах и Франции. Немецкие слесари делали самодвижущиеся фигурки, фонтаны и башенные часы. Литье из бронзы в Италии и Германии славилось производством статуй и разнообразной утвари. Из Италии распространилось по Европе производство цветного и расписного

стекла, глазури, майолики, фаянса, в Германии производили огнеупорные краски для керамики. Из Нидерландов шло ковроткачество.

К атлантической работорговле с 1550-х г. присоединяются англичане и сразу начинают преуспевать в ней. Первые крупные английские экспедиции за африканскими невольниками в 1559–1567 гг., под началом Дж. Хоукинса, финансировались королевой Елизаветой. Первый английский работорговец был возведен в рыцарское достоинство за способствование «благосостоянию нации». Выход англичан в передовики работорговли произошел в то время, когда католическая церковь стала ограничивать испанцев в купле-продаже людей. Англичане стали контрабандой доставлять рабов испанским плантаторам, а потом и в свои собственные, вест-индские колонии, где не было никаких ограничений в этом вопросе.

Сейчас немодно цитировать Маркса, но, в отношении периода первоначального накопления капитала, его мнение представляется ценным: «Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности».

Африка казалась неисчерпаемым резервуаром рабов, поэтому жизнь невольника стоила дешево. На каждого африканского раба, доставленного в Новый Свет, приходилось несколько африканцев, погибших при отлове и транспортировке. За три столетия европейские работорговцы доставили из Африки в Америку от 8 до 16 млн человек. Число погибших в результате трансатлантической работорговли составило от 40 до 50 миллионов. Рабство съело не только естественный прирост населения Африки, но и сократило его со 120 млн до 90 млн человек. Район реки Гамбия, Садра-Леки, район реки Нигер получил название «Невольничий рынок». Не принесли европейцы туда цивилизацию, а уничтожили её. О Бенине, до начала проникновения европейцев, путешественник сообщал: «Это огромный город. Входя в него, попадаешь на широкую улицу, не мощенную, в 7–8 раз шире улицы Вармус в Амстердаме… Королевский дворец – группа зданий, занимающих площадь, равную площади города Гарлема… Там находятся многочисленные квартиры министров и прекрасные галереи, большинство такой же величины, что на Бирже в Амстердаме».

Практиковались и набеги, с целью захвата рабов, на Индию и Китай. В рабство продавали, после подавления восстаний, и белых ирландцев.

При помощи пиратства англичане (достаточно вспомнить рыцарей-пиратов Дрейка и Рели) «поучаствуют» в испанском вывозе южноамериканского серебра. Во времена Елизаветы это занятие стало чем-то вроде народного промысла, поощряемого правительством. Пиратство сочеталось с работорговлей. Дрейк и Морган захватывали города на побережье Южной Америки для организации свободного рынка рабов. Пираты истребляли экипажи захваченных торговых судов и жителей прибрежных городов, однако благодаря английской приключенческой литературе и Голливуду они остались в памяти народной весьма симпатичными людьми, носителями свободы и демократии.

Уничтожение и депортации коренного населения с земли, освобождаемой для ведения товарного хозяйства, будут испробованы в Ирландии раньше, чем в Америке. В Ирландии английские власти будут выплачивать премию за голову католического священника, а в Америке за каждый индейский скальп, будь то снятый с женщины или с ребенка.

Ограбление южных стран при помощи пиратско-коммерческих факторий, контролирующих местную торговлю, будет широко использовано англичанами в Индии. Только первые 15 лет господства английской Ост-индской компании на бенгальском рынке обойдется этой стране в треть населения, от голода умрет до 10 млн человек. Местным купцам было запрещено заниматься внешней торговлей. Англичане ввели внутренние таможни, монополизировали важнейшие отрасли внутрибенгальской торговли. Сотни тысяч бенгальских ремесленников были принудительно прикреплены к факториям компании, куда обязаны были сдавать свою продукцию по минимальным ценам, часто им вообще ничего не платили.

Рынки, пристани, зернохранилища, оросительные сооружения были заброшены, джунгли захватили поля, искусные ремесленники погибли вместе со своими ремеслами…

Внешне Московская Русь стоит в стороне от процессов, идущих в Западной Европе.

Однако некоторые ученые обращают внимание на то, что Европа получает возможность для освоения Нового Света, имея крепкий российский тыл.

Так, например, Ключевский пишет: «Повернувшись лицом на запад, к своим колониальным богатствам, к своей корице и гвоздике, эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны урало-алтайского востока, ей ничто не угрожает, и плохо замечала, что там идет упорная борьба, что, переменив две главные боевые квартиры – на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы и что здесь в XVI в. образовался центр государства, которое наконец перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя».

Центральная и Восточная Европа

Центральная и Восточная Европа вовлекаются в дележ мира опосредовано. Наводненная колониальным серебром и золотом западная Европа дает ей новые рынки сбыта сельскохозяйственной продукции (тогдашнее южноамериканское серебро играет роль сегодняшнего бесконтрольно эмитируемого доллара).

Падение стоимости благородных металлов (прежде всего серебра – основного денежного металла в XVI в.) привело к так называемой «революции цен», повышению товарных цен в 2,5–4 раза. Это сыграло огромную роль в судьбе Восточной Европы.

Первыми на внешний рынок там выходят землевладельцы, шляхта, дворяне, желавшие обставлять свои усадьбы, где-нибудь в Бердичеве или Брацлаве, предметами роскоши из Западной Европы. Поместья, которые раньше обеспечивали жизненные потребности воина и его возможности к несению военной службы, превращались в хозяйства, обслуживающие потребности феодала в красивых вещицах.

Суда с зерном шли по Висле, Одеру, Неману к портовым городам – Данцигу, Штеттину, Кенигсбергу; здесь зерно перегружали на нидерландские или ганзейские корабли, отправлявшиеся в порты Западной Европы. Помимо зерна, на внешний рынок поставлялась лен и пенька, смола и деготь.

Но революция цен, вызванная притоком серебра, делает западноевропейские товары все более дорогими, а восточноевропейское сырье относительно все более дешевым.

Цены на хлеб в Восточной Европе были в 10–15 раз ниже, чем в Западной Европе, торговля им давала ганзейскими и нидерландским купцам до 1000 % прибыли.

Столь неэквивалентный характер торговли вынуждал польско-литовского пана или ливонского барона наращивать этот экспорт за счет утяжеления внеэкономической эксплуатации зависимого населения. В первую очередь за счет усиления барщины.

Снисхождение рыночной благодати на Центральную и Восточную Европу было напрямую связан с закрепощением там крестьянства.

В исторической науке этот процесс носит название «второе издание крепостного права». Жестокие устаревшие формы внеэкономической эксплуатации в Восточной Европе служат источником накоплений для западноевропейской экономики. И этим «второе издание крепостного права», жертвами которого стали восточноевропейские народы, напоминает «второе издание рабства», жертвами которого стали народы Африки.

Польша, Литва, Венгрия становятся системами-донорами для западноевропейских систем-вампиров.

Несколько раз я встречал в наших «исторических» книгах утверждения, что крепостничество в Центральной и Восточной Европе было-де умереннее, чем то, которое утвердилось в России. Блажен, кто верует. «Второе издание крепостного права» дало в Центральной и Восточной Европе XVI–XVII вв. те же печальные результаты, что и его первое издание в России XVIII в. (русский барин впрочем так и не получил права убивать своих крестьян). Только в центральную и восточную Европу крепостное право пришло раньше и длилось дольше.

Ранее всего процессы закрепощения коснутся Польши (со второй половины XV века), затем германских земель к востоку от Эльбы, Шлезвиг-Гольштинии, некоторых регионов Дании, Ливонии, Чехии и Венгрии. Здесь статус крестьян будет быстро приближен к частноправовому статусу рабов при воскрешении норм рабовладельческого римского права. Дворяне многих стран центральной и восточной Европы в это время будут превращать условные земельные владения – лены, обусловленные военной государственно службой, в полные частные владения, используемые только ради собственной выгоды.

Польских крестьян, начиная с 1540-х, можно было покупать и продавать, господин мог засечь любого из них до смерти. «Крестьяне – подданные своих господ, которые *распоряжаются их жизнью и смертью*», пишет папский нунций из Польши в 1565 г. «У них, без всякой с их стороны провинности, господа по своему произволу отбирают землю и все имущество, и как принято в некоторых поветах, *продают их как скот*», свидетельствует польский писатель Ян Моджевский. «Разгневанный помещик… не только разграбит все, что есть у бедняка, но и *убьет его – когда захочет и как захочет*», – пишет польский иезуит Петр Скарга.

О венгерских крестьянах французский путешественник Шок де Бретань писал, что господа приравнивают их к скоту. Парадоксальным образом лишь турецкое завоевание Венгрии принесло облегчение венгерским низам.

Курляндские статуты давали дворянину полную власть над жизнью и смертью крестьянина, давая возможность и продавать его, и присуждать к смерти, как раба.

В Мекленбурге и Померании барщина достигала 5–6 дней в неделю; господская запашка расширялась порой до полного уничтожения крестьянских наделов.

Во всех странах, где прошло «второе издание крепостного права» три вида власти над крестьянством – поземельная, личная, судебно-административная – сосредоточивались в руках одного и того же господина. Он мог переводить крестьян с одного надела на другой по своему произволу, мог заставлять их работать на барщине хоть целую неделю, мог превращать их в дворовых людей, продавать и покупать без земли. И подвергать любому наказанию за неповиновение.

Вот две характерные цитаты из помещичьего устава для крепостных (Leibeigene), составленного в Шлезвиг-Гольштинии. «Ничто не принадлежит вам, душа принадлежит Богу, а ваши тела, имущество и все что вы имеете, является моим. (Nichts gehoret euch zu, die Seele gehoret Gott, eure Leiber, Guter und alles was ihr habt, ist mein.)» «Крестьянин не должен стелить свою постель до вечера, так как он не может знать днем, спит ли он еще следующую ночь в той же самой постели. (Der Bauer muss sein Bett nicht vor Abend zurecht machen, weil er am Tage nicht wissen kann, ob er noch die nachste Nacht in demselben schlaft.)»

Те короли, которые пытаются противодействовать «второму изданию крепостного права», рубя головы аристократам, становятся объектами «тираноборства». Жадность компрадорского дворянства рядится в древнеримские тоги. На нечесаные чубы, замусоренные вшами, водружаются античные лавровые венки. Происходит ренессанс не только древнеримского права, но и древнеримской республиканской демагогии, цицеронства.

Незадолго до своего свержения датский король, борец с аристократией и пиратством, Кристиан II издал указ: «Не должно быть продажи людей крестьянского звания; такой злой, нехристианский обычай, что держался доселе в Зеландии, Фольстере и др., чтобы продавать и дарить бедных мужиков и христиан по исповеданию, подобно скоту бессмысленному, должен отныне исчезнуть». Указ ждал своего исполнения около 2 веков, вплоть до наступления в Дании просвещенного абсолютизма. Аристократы продержали автора указа в заключении вплоть до смерти.

Если для Западной Европы «Востоком» являются заокеанские земли, то у центрально– и восточноевропейских держав есть свой «Восток». Это московское государство.

Московская Русь Ивановой юности. Боярщина

Боярский вопрос

От эпохи феодальной раздробленности в объединенном Московском государстве остался класс могущественной родовой аристократии. Князья и княжата, Рюриковичи и Гедиминовичи, наследники суверенных удельных владетелей. Бояре, крупные земельные собственники, потомки варягорусских дружинников. И те, и другие самовластно правили своими вотчинами – маленькими государствами, где они являлись властителями, судьями, военачальниками, где они были хозяевами земли и большей части имуществ, издателями законов и судьями.

По словам С. Ф. Платонова: «Делаясь боярами, эти княжата приносили в Москву не боярские мысли и чувства; делаясь из самостоятельных людей людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хороших чувств к московскому князю, лишившему их самостоятельности… Помня свое происхождение, зная, что они – потомки прежних правителей русской земли, они смотрят на себя и теперь, как на „хозяев“ русской земли, с той только разницей, что предки их правили русской землей поодиночке, по частям, а они, собравшись в одном месте, около московского князя, должны править все вместе всей землей».[11]

Значительная часть родовой аристократии прибыла на рубеже XV–XVI веков (иногда вместе со своими вотчинами в качестве багажа) из Литовского государства – тогда это было выгодно. Московская Русь лучше защищала своих подданных от набегов кочевников. Князья Бельские, Одоевские, Воротынские, Мстиславские, Оболенские, и так далее, были потомками Гедиминаса, великого литовского завоевателя: собственно русская аристократия, потомство Рюриковичей, на западном крае Руси в массе своей погибла в период монгольских и литовских завоеваний.

Переход в московское подданство из корыстных соображений подразумевал и возможный обратный переход, в Литву, когда это станет выгодным. Московская аристократия литовского происхождения смотрела на московский престол, да и на московский народ, глазами польско-литовских магнатов. Вообще, на протяжении всей своей истории русская аристократия будет постоянно подвергаться мощным вливаниям извне, принимая в себя толпы варягов, литовцев, тюрков, немцев, поляков, шведов. И это будут не мирные труженики села, а воины с моралью и представлениями, сформированными в ходе тех многочисленных войн, которые они вели против России. Возможно благодаря этому чувство аристократической солидарности у российской аристократии будет превалировать над чувством национального единства.

Бояре и князья, помимо самовластного управления своими вотчинами, управляли и страной, составляя высший слой государственной бюрократии. Из них пополнялись ряды наместников и волостелей, которые правили отдельными областями государства, если точнее, получали их в «кормления» и собирали там подати в свою пользу. От некоторых наместников население разорялось, как от вражеского нашествия.

Две стороны власти, государь и аристократы, были в XVI веке уже неравны по своим силам. Самодержец олицетворял чаяния народа и опирался на народ. Аристократы опирались на своих клиентов, слуг, челядь, на внешние силы. Однако, в отличие от народа, боярство густой толпой окружало трон. Фактически самодержец находился в боярском плену,

[11] Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005, с.185.

и достаточно было любого ослабления верховной власти, чтобы боярство присваивало её права, забывая об её обязанностях и не беря её ответственность. Ослабление верховной власти могло произойти и по чисто физическим причинам (болезнь, смерть самодержца). Иногда эту болезнь и смерть можно было приблизить, у бояр имелись для этого все возможности.

Происхождение Ивана

Историки (и серьезные, и не очень) традиционно описывают детство и юность Ивана Васильевича, опираясь на сочинение А. М. Курбского, именуемое «История о великом князе московском». В наши дни А. М. Курбский писал бы с успехом сценарии фильмов ужасов, и становился в очередь к кассе за заслуженно большим гонораром.

«Тогда зачат был наш теперешний Иван, через попрание закона и похоть родилась жестокость… Воспитывали его потом важные и гордые паны… угождая ему в его сластолюбии и похоти… А когда начал он подрастать, лет в двенадцать, – что раньше вытворял, все опущу, сообщу лишь это: начал сначала проливать кровь животных, швыряя их с большой высоты – с крылец или теремов».

Насчет сластолюбия и похоти, якобы проявляемой Иваном в детском возрасте – не переносит ли светлый князь Андрей свои темные фрейдистские проблемы на других? В психологии это так и называется – «проекция». А народ, задолго до появления психоанализа, давал свой диагноз: «У кого чего болит, тот о том и говорит». Что «вытворял» Иван до пролития крови животных, сочинитель наш так и не придумал. Зато фантазии Курбского насчет «мучил кошек, бил собак» псевдорики ретранслировали уже сотни раз. Вот если бы такое же внимание было уделено реальной обстановке, в которой вырос Иван Грозный. Детские впечатления Ивана Васильевича от боярской власти были и цепкими, и верными.

Но сперва – имел ли Иван какие-то признаки наследственных отклонений? Это действительно важно, если речь идет о монархии, верховной пожизненной власти одного человека. Как это не покажется странным, но большую часть своей истории человечество провело под неограниченной или условно ограниченной властью монархов (фараонов, императоров, царей, королей). До XIX века количество стран с иной формой правления можно было пересчитать по пальцам – да и они не выделялись никакими гуманистическими достоинствами, – а все большие страны, внесшие основной вклад в развитие цивилизации, были монархиями.

Все предки Ивана, как по отцовской и материнской линии, были физически крепкие и психически устойчивые люди. По воспоминаниях современников, даже таких недоброжелательных, как Дж. Флетчер, Иван был «человек высокого ума». Кстати, и ростом он отличался приличным – около 186 сантиметров, что по тем временам являлось редкостью.

Его бабушка была гречанкой, племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога, который стал последним воином, защищавшим Константинополь от турок в 1453. София Палеолог сделалась супругой самого удачливого и хладнокровного из московских государей, Ивана III (также прозываемый Грозным, что тогда означало положительную характеристику – «гроза для врагов»).

Мать Ивана IV Елена Глинская была красавица и племянница знаменитого литовско-русского военачальника Михаила Глинского. Биография М. Глинского достойна ЖЗЛ. Он получил образование в Италии, был на службе австрийского императора, победил крымских татар в сражении под Клецком. После перехода на службу к Великому князю Московскому, взял Смоленск в 1514. Однако изменил Москве накануне первой оршинской битвы.

Отцом Елены был Василий Львович Глинский Слепой, а матерью – Анна Якшич, дочь знатного сербского воеводы Стефана Якшича. Таким образом, Иван Грозный был на четверть литвином (белорусом в современной терминологии), на четверть сербом, ну, а еще на четверть греком.

Когда Иван Грозный говорил своим немецким собеседникам, что он «из немцев», то, вполне возможно, полушутливо намекал на западное происхождение прародителя Рюрика.

Тогда немцами на Руси называли и скандинавов, да и почти всех европейцев, чей язык был непонятен (в отличие от поляков и литвинов).

В «Книге Степенной Царского родословия», составленной в XVI веке митрополитом Афанасием по указанию царя, о происхождении Рюрика рассказывается так: «прииде из Варяг в Великий Нов Град с двема братом своима и с роды своима, иже бе от племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется. Прус же брат был единоначальствующего на земли Римскаго Кесаря Августа».

Область владений Пруса – это «град Маброк и Туры и Хвойница, и преславный Гданеск и иные многие града по реку глаголемую Неман, впадшую в море, иже и доныне зовется Прусская земля. От сего же Пруса семени бяше вышереченный Рюрик и братия его».

Фактически излагается антинорманнистская теория происхождения Рюриковичей – с берегов Балтийского моря между Вислой и Неманом, которые до XIV века были населены балтским племенем пруссов. И надо сказать, что данная гипотеза происхождения русского правящего дома выглядит довольно основательной; у Ивана IV вряд ли были какие-то идеологические основания предпочитать пруссов скандинавам.

А римский кесарь Август был, скорее всего, добавлен в число родичей для «красоты», дабы показать, что автор хорошо знаком с античной историей. Однако, можно предположить, что речь идет вовсе не о первом римском императоре Октавиане Августе. Титул «Цезарь Август» имели и все византийские императоры.

Великий князь Василий III, отец Ивана, был куда менее славен, чем дед Иван III. На время Василия приходятся довольно успешные войны с Литвой, когда была возвращена Смоленская земля и верхнеокские княжества, окончательное присоединение Рязани и Пскова. Однако в его княжение происходит и большое количество набегов, крымских и казанских, крайне опустошительных, особенно на фоне постоянных войн с Литвой.

Бояре против великого князя

Иван IV родился 26 августа 1530. И летописи отмечают, что день был отмечен сильной грозой. Родной брат великого князя Василия, удельный князь Юрий Дмитровский, не приехал на крестины Ивана, состоявшиеся 4 сентября в Троицком монастыре. Причины явного дядиного недоброжелательства вполне понятны – князь Юрий должен был унаследовать престол, если бы Василий умер бездетным.

Удельная система благополучно существует и после «собирания земель», проведенного Иваном III. Он дал уделы пятерым братьям Василия, двое из которых были живы ко времени рождения Ивана IV – Андрей Старицкий и упомянутый Юрий Дмитровский.

Еще во время русско-литовской войны 1507–1508 гг. король Сигизмунд I направил к князю Дмитровскому знатное посольство, в составе которого были литовские магнаты – Пётр Олелькович и Богдан Сапега. Посольство передавало Юрию приветы от короля, называло его королевским «милым братом», и, ни много ни мало предлагало войти в сепаратный союз с Литвой, направленный против великого князя Василия. Добрый король обещал Юрию Ивановичу всестороннюю военную поддержку в случае, если удельный князь решится устранить великого князя и прибрать к рукам московский престол. Долгое время брат Юрий являлся официальным преемником Василия (не было детей у великого князя с его первой женой Соломонией) и, наверное, привык к этой роли.

Тем, что младенец Иван лишает его возможности занять престол, недоволен был и удельный князь Андрей Иванович. В 1532 князь Андрей взял со своей дружиной город Белоозеро, в котором держалась государственная казна, в то же время князь Юрий занял Рязань и еще несколько городов, получив при этом помощь от татар. Литовский сейм, живо интересующийся великорусскими делами, уже стал обсуждать распри в Московском государстве и возможности поживиться за их счет.

Дело в Москве удалось завершить миром, но, вскоре после этого конфликта, 3 декабря 1533 г., Василий III умирает смертью весьма загадочной. Летописи оставили довольно подробное описание его скоротечной болезни, напоминающей сильную интоксикацию – странно, что современные медэксперты так и не попробовали составить свой диагноз.

После кончины великого князя Василия Московская Русь стала входить в смуту. Этот процесс был заторможен только в 1543, а реальный выход из смуты произошел лишь после воцарения Ивана в 1547.

Как пишет С. М. Соловьев: «Умирающий Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае, отговорясь невольною присягою, возобновить старые притязания; эти притязания тем более были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старых правах своих и тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его… Василий знал, что в случае усобицы и торжества братьев должны повториться те же явления, какие происходили при деде его, Василии Темном, что тогда малюткам – детям его нельзя ждать пощады от победителя… Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия вдове его донесли уже о крамоле».

Уже лет сто пятьдесят наша интеллигенция твердит о вреде «самодержавия». Упорно так долдонит. Меж тем, начиная от удельной Руси, каждый этап аристократической усобицы и аристократического самовластья приносил стране огромные потери, материальные и демографические. Достаточно вспомнить усобицы времен монгольского нашествия, московские феодальные войны середины XV века, Смутное время в начале XVII века, власть гвардейской казармы над престолом в послепетровском Петербурге, февральский переворот 1917, погрузивший страну в кровавейшую из русских смут. «Семибанкирщина» 1990-

х. Если посчитать демографические потери от всех этих периодов, то никакие «тираны» с их репрессиями и рядом не стояли, одно лишь только Смутное время сократило население Руси вдвое.

Любая «боярщина» в нашей стране была сверхнасилием над народным большинством ради удовлетворения аппетитов меньшинства, наглого, жадного, говорливого, умеющего облачать свои устремления в блестящую идеологическую форму.

Это справедливо и для XVI века. Верховная власть единого государства и объединеный народ ищут поддержки друг друга в системе, которую некоторые исследователи называют «демократическим самодержавием». Паразитический слой феодальной знати, уже не нужной ни государству, ни народу, пытается эту систему разрушить, а государство и народ сделать орудием своего эгоизма.

«Демократическое самодержавие» поддерживалось не столько пресловутой верой мужиков в царя-батюшку, сколько значительной общностью их интересов, а также реальным функционированием земских народных учреждений.

В противоположность многим странам Восточной Европы, в России не только простонародье, но и мелкопоместное дворянство поддерживало монархическую власть, потому что интересы родовой аристократии расходились и с интересами служилого люда. Из служилой дворянской среды происходят публицисты Иван Пересветов и Ермолай-Еразм, оказавшие большое воздействие на идеологию Ивана Грозного…

Сразу после смерти великого князя Василия могущественные князья Иван Михайлович и Андрей Михайлович Шуйские собираются отъехать от московского двора к удельному князю Юрию Дмитровскому. Князья Шуйские, подготавливая почву для раскола государства и феодальной войны за престол, подговаривают отъехать к Юрию и других бояр, как например князя Бориса Горбатого.

Шуйский обрабатывает Горбатого в таких примечательных словах: «Поедем со мною вместе, а здесь служить – ничего не выслужишь: князь великий еще молод, и слухи носятся о князе Юрии; если князь Юрий сядет на государстве, а мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся».

В этом – вся идеология боярства, которую некоторые псевдорики пытаются выдать за свободомыслие. Летописец упоминает, что князь Юрий понадобился боярам, уже преуспевшим в «граблении, продажах, убийстве».

Заговор был разоблачен и Юрий отправился в заточение, на чем настаивали Иван Шигона Пожогин, князья Глинские и Оболенские, где и закончил свои дни.

Однако закон олигархической природы таков, что за устранением противника, тут же начинается вражда между победителями. Михаил Глинский вступает в борьбу с Гедиминовичами князьями Оболенскими, среди которых ведущую роль играет Овчина-Телепнев-Оболенский. (Некоторые злые языки будут называть этого фаворита великой княгини Елены отцом Ивана Грозного). А князья Семен Бельский и Иван Ляцкий бегут в Литву. Гедиминовичи Бельские лишь при Василии III перешли на русскую службу и, видимо, еще не определились со своей лояльностью. Таких нравственных категорий, как патриотизм, для феодальной знати не существует. Ей важно только то, какие привилегии, почести, земли, деревни она получит от сюзерена.

С. Бельский становится одним из самых упорных врагов Московского государства, по многим параметрам это ранняя версия Андрея Курбского. Как пишет о Бельском и Ляцком сам Иван IV: «и куда они только не бегали, взбесившись, – и в Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отовсюду шли войной на православных». А Постниковский летописец лаконично, но емко характеризует трудовые биографии упомянутых князей – «много учинили пакости земли Московской».

Польско-литовским властям хорошо известно, что в Москве идет усобица (возможно они и провоцируют ее), что боярам сейчас не до защиты порубежных «украйн». На многих рубежах вообще нет войска, как, например, в Пскове, а там, где оно есть, оно ведет себя пассивно.

Король щедро жалует Ляцкого и Бельского, чтоб другие московские князья и бояре имели прекрасный пример для подражания.

Сигизмунд I решает, что настал момент вернуть Литве всю Северскую землю (территории нынешней Брянской, Курской, Черниговской и Гомельской областей) и Смоленск. В феврале 1534 года король предъявляет Москве ультиматум с требованием вернуться к границам 1508 года. А после того, как ультиматум отвергнут, в августе начинает войну.

Боярщина и вражеские нашествия

В августе 1534 на северские земли приходит из Литвы киевский воевода Андрей Немирович и конюший дворный Василий Чиж. Литовское войско, дополненное татарскими и польскими отрядами, сжигает город Радогощ, разоряет окрестности Стародуба, Чернигова, Новгорода Северского, Брянска. Литовский магнат Александр Вишневецкий опустошает смоленские земли, но отбит от Смоленска воеводой Н. В. Оболенским.

«Приходили литовцы / татары / немцы и дворы пожгли / людей иссекли / полон вывели – столь частые словосочетания в русских летописях того времени, что глаза псевдорика, даже если он туда заглянет, пробегут мимо, и отправятся дальше искать какое-нибудь проявление „тирании“». А ведь эти скупые строки означали боль, холод и голод, колодки и плети. Враги сжигали жилища и посевы, забирали хлебные запасы, угоняли скот, уводили людей в рабство, ведь война одновременно была и экономикой. Враги насиловали женщин, пытали и мучили всех, кого заблагорассудится, ведь война являлась одновременно и кровавым развлечением. Уцелевшие селяне, оставшиеся без запасов продовольствия, с большой вероятностью погибали голодной смертью в зимние месяцы, так что количество жертв набега всегда можно умножать на двое.

Разоряя русские земли и получая отпор при осаде крепостей, литовцы не встречают московских войск в поле. Основная причина тому – разлад русских властей.

Несмотря на тяжесть ситуации, сложившейся в начале Стародубской войны, глава регентского совета князь Михаил Глинский, и глава боярской думы князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский никак не могут выяснить, кто главнее.

После бегства Семена Бельского и Ивана Ляцкого находятся в опале Иван Бельский и союзные ему Воротынские – также недавние выходцы из Литвы.

Правительница Елена решает местнический спор в пользу Оболенского, а не в пользу дяди; Глинский умрет в заключении в 1535. Таков конец одного из самых примечательных кондотьеров XVI века. Возможно, логика не подвела Елену – за Оболенским стоял сильный боярский клан.

Осенью 1534 московская власть, сосредоточенная, наконец, в руках Оболенских, начинает реагировать более активно на литовский натиск. Отряды князей Н. Оболенского и И. Овчины-Телепнева-Оболенского доходят до Витебска. Позднее князь Ф. Телепнев-Оболенский совершает рейд в Литву, до Новогрудка. Однако московские воеводы не вступают в сражения с литовскими войсками и лишь наносят ущерб сельским районам.

Той же осенью состоялся казанский набег на галичские волости. С этого времени и по 1545, захватывая весь период русско-литовской Стародубской войны и весь период боярщины, казанские татары будут совершать ежегодные набеги, регулярно разоряя все земли к востоку от Москвы, доставая до северной Вологодчины. И даже в Перми от них не укроешься.

Русские рейды осени и зимы 1534/1535 гг. нисколько не охладили литовцев, разве что король Сигизмунд послал для участия в наступательных действиях против Москвы еще и бодрые польские войска. В августе 1535 г. вражеская армия под командованием литовского гетмана Юрия Радзивилла, киевского воеводы Андрея Немировича, польского гетмана Тарновского и предателя Семена Бельского снова вторглась в московско-русские пределы. Помимо литовцев и поляков, во вражеском войске много западных наемников, пушкарей, саперов. На этот раз всё было очень серьезно, Русь столкнулась с технически хорошо оснащенной армией.

Враги захватывают Гомель, Радогощ и в северской земле осаждают Стародуб. Сегодня это заштатный городок на Брянщине, а в те времена важная крепость в довольно населен-

ной порубежной области. Защищает город московский воевода князь Федор Телепнев-Оболенский, брат фаворита Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. Летопись свидетельствует об упорной русской обороне. Литовцы проводят подкоп, закладывают взрывчатку и сносят часть стены. «А того лукавства подкапывания не познали, что наперед того в наших странах не бывало подкапывания», – разводят руками русские летописцы. Здесь сыграли свою роль западные специалисты. В Западной Европе подкоп с подрывом – основной способ преодоления сильных фортификаций, а в восточной Европе это – новинка. Москвичи впервые применят его лишь при взятии Казани, в 1552 г.

С помощью современной западной технологии литовцы с поляками врываются в Стародуб, берут в плен воеводу Оболенского, ну, а местным жителям устраивают страшную резню. Погибает тринадцать тысяч русских, от мала до велика. Замечу, что в те времена, при нападении врагов, все население округи стекалось в город, под защиту крепостных стен. Это объясняет такое большое количество погибших в Стародубе.

Если бы столь большое число поляков и литовцев пало бы жертвой московского войска, то наверняка этот факт попал бы во все учебники истории на веки вечные, как свидетельство московского варварства. А 13 тысяч убитых московитов – это так, ничего особенного, что для европейцев, что для наших собственных псевдориков. Такой мелкий фактик. Мы сами, аристократическим равнодушием к жертвам вражеских нашествий, приучили и себя и других, к двойным стандартам. Стародуб же – это наш город-герой XVI и XVII веков; в следующий раз его население подвергнется полному истреблению со стороны польско-литовского воинства в Смутное время.

У аристократов в Москве по-прежнему нет ни стратегии действий, ни решительных планов.

Историк Д. Володихин отмечает, что на протяжении всей Стародубской войны московские воеводы не занимались ни осадами вражеских городов, ни активной обороной рубежей от литовцев, казанцев и крымцев. Не до того.

Гарнизоны крепостей литовского порубежья предоставлены сами себе, московские полки стоят у Серпухова и в других крепостях долины Оки, где проходит граница с «Диким Полем». Царь Иван писал позднее Курбскому: «Зачем же они (бояре), как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощ, Стародуб, Гомель, – так ли доброжелательствуют?»

В том же августе 1535 крымцы, в явном согласовании с литовцами, нападали на берега Оки и рязанские земли, отвлекая московские силы от северских земель, чем сильно облегчили королю взятие Стародуба и Гомеля.

В феврале 1536 г. литовцы, во главе с киевским воеводой Андреем Немировичем и полоцким воеводой Яном Глебовичем, идут на разорение псковской земли и пытаются взять себежскую крепость. Однако здесь они отражены воеводой А. Бутурлиным. Себежский гарнизон удачно контратакует и литовские воины в массе своей погибают на льду озера Себеж. По воле польского короля литвины (те же русские люди) умирают на псковской земле, вместо того, чтобы оборонять Приднепровье от татарских набегов.

В конце 1536 г. казанские войска жгут села около Нижнего Новгорода, наступают на Балахну, вторгаются в костромские волости. Летописи не сообщают о каком-то организованном отпоре со стороны московских воевод.

В начале следующего года русские войска стоят во Владимире и Мещере, а казанский хан Сафа-Гирей наносит удар туда, где его не ждут, и сжигает предместья Мурома. Согласно записи Владимирского летописца: «Царь Казанской зиме анваря, на всеядной неделе, под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Мурома и до Новагорода воевал». Запись скупая, а стоит за ней много.

В феврале 1537 г. польский король наконец заключает с московским государством мир, по которому русские потеряли часть северских земель, с городом Гомель.

Я довольно подробно останавливаюсь на событиях междуцарствия (которые большинство «грозноведов» пробегают мимоходом), чтобы показать, какое наследие принял великий князь Иван Васильевич и каким «благотворным» было отсутствие крепкой верховной власти для населения Русского государства.

Отъезжант Семен Бельский никак не может удовольствоваться сладкой жизнью на новой-старой литовской родине. Он хлопотливо поднимает все окрестные народы на Москву. Вот суетливый Гедиминович в Стамбуле, уговаривает турецкие власти, заключив союз с Польшей и Литвой, послать янычаров и крымскую орду на Русь. С помощью турецко-татарских воинов-интернационалистов хочет князь Семен восстановить свои суверенные права на княжество Бельское. Раскатал он губу и на Рязанские земли. Ведь Семен Федорович Бельский является по матери, княжне рязанской, племяннице Ивана III, единственным наследником этого княжества. Удобная эта вещь – мораль феодала. С аристократической точки зрения Семен Бельский вправе любыми средствами добиваться владений, на которые имеет наследственные права. Кстати, в ту пору, когда князь Семен поднимает все прогрессивное человечество на борьбу против Москвы, его аристократическая родня продолжает служить великой княгине, не подвергаясь за его предательство никаким преследованиям и не выражая никакого осуждения предателю.

Уже после заключения мира с Москвою польский король Сигизмунд получает письмо от Бельского из Стамбула, в котором беспокойный командировочный докладывает о своих успехах.

Высокая Порта обязалась-де помогать ему, султан турецкий приказал-де крымскому хану Саип-Гирею и двум областным турецким начальникам, пашам силистрийскому и кафинскому, выступить в поход на Москву. От турок будет выставлено более 40 тысяч воинов, а участие в походе самого крымского хана даст еще до 80 тысяч всадников. В нашествии примут участие и белгородские казаки (имеются в виду мусульманские воины из Белгорода-Аккермана, очевидно поучаствовавшие в генезисе запорожского казачества).

Остается только послать на Русь литовские войска.

Однако, в отличие от Курбского, Бельскому не повезло. И не только по части графоманских «талантов». Бедный, бедный Семен, не ты будешь первым российским диссидентом, не тебя будут воспевать поэты, не тебя танцевать танцоры, не тебя прославлять историки. В Крыму началась борьба за власть, да и Сигизмунд, имея потребности в дальнейшей борьбе с Москвой, не имеет однако соответствующих финансовых возможностей.

В летописях 1537 года встречается интересное сообщение. Впервые упоминаются поступки Ивана. Касимовский хан, промосковский претендент на казанский престол Шиг-Алей (Шах-Али) встречается с великой княгиней Еленой. Правительница устраивает и неофициальный прием для ханши, которая хочет «увидеть очи княгини». Маленький Иван приветствует восточную даму словами «Табуг салам» и «карашуется» (то есть здоровается).

Великая княгиня Елена. Тяжелая женская доля

Тем временем идет по стране и другая напасть – порча денег в виде обреза и помеси. Напасть эта, также как и такое позднее явление, как инфляция, связана с ослаблением и государственного контроля над финансами, и государственной власти вообще. Правительство казнит фальшивомонетчиков, вливая им расплавленное олово в рот (в Европе их тогда варят в кипятке или масле). На новых монетах начинают изображать покойного великого князя Василия с копьем в руке (раньше он представал с мечом) – оттого и деньги стали называться «копейными», то есть копейками.

В 1536 г. великая княгиня Елена дает уставную грамоту – документ, устанавливающее местное самоуправление – старостам и всем людям обширной Онежской земли. Эта грамота сходна с теми, что давали великие князья Иван III и Василий III.

Согласно этой грамоте, вместо наместничьих чиновников теперь налоги должны были разверстываться и собираться выборными общинными властями.

В Онежской грамоте говорится, что, если простым волостным людям будет «какая обида» от государственного чиновника, то они могут вызвать его на разбирательство к великому князю.

Грамота запрещает чиновникам появляться в общинах в сопровождении вооруженных людей. Не дозволено чиновникам и являться на пиры и братчины незваными – столь кардинально урезывались дополнительные возможности поборов.

Конечно же, псевдорики постараются не обращать внимания на такие проявления самодержавия. Для них единственными источниками свободы и демократии в XVI веке являются князья и бояре.

Несмотря на разлад в рядах московской знати, великая княгиня продолжает строить крепости на границах. Ставятся города взамен тех, что были разрушены врагом или сгорели сами – почти вся Русь тогда деревянная, камень для строительства надо везти с севера. В 1535–1536 гг. восстанавливаются сгоревшие города Пермь, Устюг и Ярославль. Создаются новые укрепления в Новгороде Великом, Вологде, Владимире, Твери, обносится каменной стеной Китай-город в Москве.

Летописи фиксируют прибытие переселенцев из Литвы – триста семей даже в военном 1535. Несмотря на трудности московской жизни, в Литве еще страшнее, паны народ угнетают сильнее, а от татарских набегов защищают хуже.

Тем временем происходит возмущение еще одного удельного князя – Андрея Старицкого.

Еще в январе 1534 г., сразу после смерти великого князя Василия, князь Андрей, для увеличения своих владений, потребовал у княгини Елены город Волок. Требование не было удовлетворено, и обиженный удельный князь отказался участвовать вместе со своим удельными войсками в военных действиях в составе великокняжеского войска. А летом того же года (случайное ли совпадение?) началась тяжелая Стародубская война.

В конце 1536 г. великая княгиня Елена предложила князю Андрею подписать документ, что удельный князь не будет «подыскивати государств», то есть не будет пытаться сесть на московский престол. Но Андрей Старицкий отказался брать на себя обязательства. Более того, когда в 1537 г. на Русь напал казанский хан Сафа-Гирей и Елена вызвала князя Андрея для решения «казанских дел», тот не захотел. Так не захотел, что взбунтовался.

В мятеже, начавшемся 2 мая, никаких иных целей, кроме завоевания трона, у Андрея Старицкого не было. Выйдя со своим удельным войском из Старицы (Тверской регион), он направился в сторону недалекого Новгорода, элита которого еще помнила о временах самостоятельности, с намерением поднять её на борьбу против княгини Елены. Очевидно,

в обмен на завоевание князем Андреем московского трона, Новгород должен был получить фактическую независимость. Иван IV позднее писал по поводу этого мятежа князю Курбскому: «а от нас в это время отложились и присоединились к дяде нашему, к князю Андрею, многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном… и многие другие».

Князья Оболенские со своим войском перерезают путь Андрею Старицкому и его дружине. Все готово к битве, а, возможно, к началу большой феодальной войны в стиле английской войны Алой и Белой Роз. Однако князь Старицкий не выдерживает напряжения борьбы. Он сдается и отправляется в заточение; его сторонники, новгородские бояре, количеством около двухсот, идут на плаху.

Как сообщает Владимирский летописец: «Того ж лета маиа 2 отступил с вотчины из Старицы князь Ондрей Иванович, великого князя Васильев брат… Да не доехав Новагорода Великого, воеводы великого князя, князь Иван Овчина и иные, взяли его на душу, что было его пустить на вотчину на его на Старицу».

Ну, конечно же, либеральные историки, выставляют князя Андрея Старицкого в виде свободолюбца, который просто вышел погулять, однако учитывая сепартистские настроения новгородской верхушки и постоянные вражеские нашествия, эта «прогулка» могла обойтись стране слишком дорого.

3 апреля 1538 года великая княгиня Елена умирает совсем не в старом возрасте. Уже тогда многие утверждали, что она была отравлена. Сегодня это подтверждено научными экспертизами, хотя по-прежнему не замечается псевдориками. Исследование ее останков, проведенных медэкспертом Никитиным в настоящее время, доказало факт отравления солями ртути и мышьяка. Ее смерть была выгодна многим боярским кланам – а каким, будет видно из состава властной верхушки в последующие годы.

Преклоним голову перед этой женщиной, она была далеко не худшей правительницей Земли русской, и, насколько позволяли условия, заботилась о народе.

Переход боярщины в смуту

Сразу после смерти Елены были выпущены из тюрьмы князь Иван Федорович Бельский (родной брат предателя Семена) и князь Андрей Михайлович Шуйский, один из участников заговора Юрия Дмитровского. Выражаясь современным языком, апрельские события – это явный боярский путч.

Боярские партии тут же начнут борьбу за власть, которая продлится целую пятилетку; паны будут драться, а у всех остальных трещать чубы, да и головы отлетать порой.

Шуйские – могучий аристократический род из Рюриковичей, в XVI веке тесно связанный вовсе не с Шуей и суздальскими землями, а с Новгородом. В 1538 клан Шуйских возглавляют князь Иван Васильевич и князь Василий Васильевич, человек мало стесняющийся чего-либо. Это он, после неудачной оршинской битвы, перевешал всех знатных смольнян, желавших передаться королю.

Уже на седьмой день после смерти великой княгини, по приказам князей Василия и Ивана Шуйских, были схвачены конюший – князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский и его сестра Аграфена, бывшая мамкой великого князя. Князь Оболенский умер в заключении от «недостатка в пище и тяжести оков», его сестра была сослана в Каргополь и там пострижена в монахи.

Гедиминовичи Бельские, не менее Шуйских, гордились своим происхождением – от большого разбойника князя Гедимина. Женитьба князя Федора Бельского на княжне рязанской, племяннице Ивана III, усиливало притязания этого клана на власть. Иван Бельский освобождает из заточения семейство умершего в неволе удельного князя Андрея Старицкого, в том числе его сына Владимира, и привлекает молодого князя на свою сторону.

Однако в последовавшей схватке Шуйские оказались сильнее Бельских. Ивана Бельского, также как и Владимира Старицкого, отправляют в заключение, их окружение разсылают по дальним деревням.

Затем настала очередь дьяка Федора Михайловича Мишурина, который был одним из самых приближенных людей к покойному великому князю – ему Василий «повеле… писати духовную свою грамоту и завет о управления царствиа». А Иван Грозный характеризовал Мишурина как «отца нашего да и нашего дьяка ближняго». Очевидно «завет» великого князя оказался негоден Шуйским, и дьяк, олицетворявший государство, был, по их приказу, обезглавлен. (Что не помешало некоторым псевдорикам написать, что Иван, тогда еще восьмилетний мальчик, якобы приказал казнить Мишурина).

Летописец псковский сообщает нам подробности боярского правления при первом возвышении Шуйских. О псковских наместниках князе Андрее Михайловиче Шуйском и князе Василии Ивановиче Репнине-Оболенском летописец говорит следующее. «*Были эти наместники свирепы, как львы, а люди их, как звери, дикие до христиан*…Князь Шуйский был злодей, дела его злы на пригородах, на волостях… во Пскове мастеровые люди все делали на него даром, большие же люди давали ему подарки…»

Летописи сообщают, что князь Андрей Шуйский разорял мелких землевладельцев, заставляя их за бесценок продавать ему свои вотчины; разорял крестьян и горожан. «Потом напали (бояре) на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили их имения. А как перечесть обиды, которые они причинили своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами».

В результате такого правления в Новгороде и Пскове резко подскочили цены на хлеб. По словам Соловьева, «были опустошены и внутренние области государства».

В 1539 князь П. И. Шуйский присвоил себе 2000 десятин земли, его родственник князь А. Б. Горбатый – 1500. Земли, предназначавшиеся для поместной раздачи воинам, уходили

крупным феодалам. Это было типично для периода боярского правления. Как писал Иван Грозный, бояре «государские его земли разоимали». Наместничьи суды превратились в средства вымогательства. Рос антагонизм между служилым классом и феодальной знатью. Прекратилась выдача уставных грамот, повышающих права сельских общин.

В 1539 происходит симптоматичный эпизод. Смута, начавшаяся в боярское правление, вынудила вернуться на родину известного архитектора, итальянца Петра Фрязина, который давно жил на Руси и даже принял православие. Во время строительства укреплений в новой порубежной крепости Себеж, архитектор бежит в Ливонию. В Дерпте, на аудиенции и у местного епископа, Петр объясняет причины своего бегства следующим образом: «Великого князя и великой княгини не стало, государь нынешний мал остался, а *бояре живут по своей воле, и от них великое насилие*, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства».

Бояре, проявляющие столь завидную энергию в борьбе за власть и «имения», выглядят весьма вяло в обороне русских рубежей.

Воины казанского хана Сафа-Гирея, находящегося в союзе с Крымом и Польшей, принялись еще активнее опустошать пограничные московские области. В начале 1540-х годов казанцами разорены земли Нижнего Новгорода, Мурома, Мещеры, Гороховца, Балахны, Заволжья, Галича с весями, Вологды, Тотьмы, Устюга, Перми, Вятки, Владимира, Шуи, Юрьевца Вольского, Костромы, Кинешмы, Унжи, Касимова, Темникова.

Казанский Летописец отмечает и самовластие князей и бояр, закабаляющих и холопящих людей – «неправды умножишася, обиды, тадбы и разбои, и убиства, по всеи земли рыданія и вопль великъ», и то, что знать не бережет от супостата Русскую землю. «Везде погани христьянъ воеваху и губяху».[12]

Курбский упоминает о страшных разорения, причиненных казанцами и крымцами в начале 1540-х: «В годы его (Ивана) юности, с помощью многочисленных нашествий варваров – то крымского хана, то ногайских, то есть заволжских, татар, и в особенности и страшнее всего казанского царя, сильного и мощного мучителя христиан… всеми ими устроил господь несказанное кровопролитие и нашествие, так что на восемнадцать миль от Москвы все стало пусто. Вся Рязанская земля до самой Оки опустошена была крымским ханом и ногаями».

Однако силен лукавством и брехливостью князь Андрей Михайлович Курбский, не побрезговал выставить ребенка 10–11 лет причиной господнего гнева и даже не постеснялся написать, что «угождатели с молодым царем безжалостно опустошали и подвергали отечество бедствиям войны». Это какие «угождатели с молодым царем», не Шуйские ли?

Среди прочих обвинений в адрес малолетнего «тирана», вышедших из-под пера Курбского, мы читаем, что начал уже Иван «и людей бросать» (с высоты), что скакал по московским улицам, избивая и грабя встречных и поперечных. Доверия этим словам мало, учитывая общий обвинительный настрой «гражданина прокурора». Куда бы тащил злодей-тинейджер награбленное на улицах (бабьи платки, горшки, пряники)? В Кремль, что ли? Складывал бы горшки и ухваты в Грановитой Палате? «Если признать верность показаний Курбского», – дает «отмазку» С. М. Соловьев. А другие историки, вроде писателя-сентименталиста Карамзина, обходятся и без этого. Курбский пишет, что в это время злокозненному юнцу было «лет пятнадцать и больше». Н. М. Карамзин и прочие сентименталисты даже не замечают этого очевидного вранья. Однако Курбский, после описания детско-юношеских жестокостей Ивана, приступает к рассказу о заговоре против Бельских. А это было самое начало 1543 г., когда, на самом деле, великому князю не исполнилось и двенадцати. Впрочем, обо всем по порядку…

[12] Сказание о царстве Казанском, М., 1959, гл. 13.

После смерти Василия Васильевича Шуйского за дело берется его брат Иван Васильевич. Он свергает митрополита Даниила, связанного с Бельскими, и ставит на его место Иоасафа Скрыпицына. Однако и Иоасаф вскоре переходит на сторону Бельских и через посредство юного великого князя добивается освобождения Ивана Бельского и Владимира Старицкого.

Шуйские начинают готовить новый заговор против Бельских, но в это время резко ухудшается ситуация на казанской границе.

Иван Шуйский направляется с войском на «казанскую украйну», в город Владимир, который был фактически порубежной крепостью. Туда же идут касимовский хан Шиг-Алей и костромские воеводы.

Еще не отражены казанцы, а снова закручивается механизм заговора против князей Бельских и митрополита Иоасафа. Помимо Шуйских в заговоре участвуют князья Михайло и Иван Кубенские, Иван Большой Шереметев, князь Димитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, большое количество княжат, дворян и детей боярских, а также Новгород.

Как считает Соловьев, новгородцы участвовали в заговоре «всем городом», оттого что один из Шуйских был последним воеводой самостоятельного Новгорода, и впредь они «останутся навсегда преданы этой фамилии». Схожего мнения придерживается и исследователь боярства Е. А. Белов. Новгороду князья Шуйские запомнились тем, что в конце XV века защищали местное боярство от Москвы. И надо полагать, что у новгородской торгово-боярской знати сохранялся интерес к обособлению от России; это определялось их многовековой компрадорской ролью в ганзейской торговой империи – в результате возвышения Шуйских они могли добиться большей самостоятельности.

Возвышающиеся Шуйские вряд ли имели целью только разгром клана Бельских. Те, по своему происхождению от Гедиминовичей, не могли претендовать на русский престол. А вот генеалогия князей Шуйских давала им законное право на оспаривание прав потомства Калиты на престол. Шуйские происходили от старшей ветви потомства Александра Невского, династия Калиты, к которой принадлежал Иван IV – от младшей. Как пишет Е. А. Белов: «Все княжата и все бояре XVI века, сплотившиеся около Шуйских в борьбе с Грозным, могли считать себя по чистой совести легитимистами; между Шуйскими и домом Калиты в XVI веке существовали до некоторой степени такие же отношения, какие во Франции в XIX веке существовали между Бурбонами и Орлеанами… С той же точки зрения на Шуйских, как на старейших князей русской земли, смотрели и новгородцы, которые сверх того имели традиционные связи с потомством великого князя Андрея Александровича». Речь идет о князе Андрее Городецком, славном предке Шуйских, который вместе с Федором Черным, предком Курбских, навел в 1293 г. татарскую грозу на Русь.

Заговорщики договорились о том, что Иван Шуйский вернется 2 января 1542 г. с казанского рубежа. И в ночь на 3 января князь Шуйский приехал в Москву – в нарушение великокняжеского приказа находиться с войском во Владимире. Еще раньше в Москву возвращается его сын Петр, а также Иван Шереметев с 300 воинами. Той же ночью князь Иван Бельский был схвачен в своем доме. На следующий день его отправили в заточение на Белоозеро. В мае того же года трое слуг Шуйского приехали на Белоозеро и убили князя Бельского.

Знаменитый «правдолюбец» кн. Курбский в убийстве Бельского обвиняет… ну, конечно же, великого князя Ивана. Как замечает историк Е. А. Белов: «Курбский приписав Иоанну участие в убийстве Ивана Бельского, прибавил по сему случаю года Иоанну, сказавши, что ему пошел семнадцатый год, когда царю не было еще и двенадцати».

Вот примерно из такой же «правды» состоят остальные обличения первого русского диссидента, которые столь охотно подхватываются всеми остальными «правдолюбцами» с разными научными чинами и без оных. Можно было списать фантазии автора на юноше-

ские перехлесты, «ври больше, авось чему-нибудь поверят», но когда Андрей Михайлович сочинял их, то был уже приличных лет господин, литовский барин-крепостник. Заниматься критикой чистого разума князя Курбского очень тяжело, потому что этот «разум» действительно чист – и от совести, и от логики…

Вслед за устранением Ивана Бельского, настала очередь его друзей. Князя Петра Щенятева отправили в Ярославль, Ивана Хабарова – в Тверь. Щенятев был схвачен сторонниками Шуйского прямо в палатах юного великого князя.

Митрополит Иоасаф был разбужен камнями, которые люди Шуйского бросали ему в келью. Посреди ночи испуганный митрополит устремился в великокняжеский дворец. Но люди Шуйского явились и туда, ворвались в спальню Ивана, приведя мальчика, естественно, в ужас.

Верховные олигархи всея Руси явно рассматривали самодержца всероссийского почти что, как часть интерьера. Но этот мальчик не был предметом. Он хорошо запомнил всех, кто глумился тогда над верховной властью.

Не найдя безопасного убежища даже возле великого князя, митрополит Иоасаф уезжает на Троицкое подворье. Но за ним туда являются дети боярские, новгородцы, собираются его убить. И только троицкий игумен Алексей и кн. Дм. Палецкий удерживают заговорщиков от ликвидации митрополита.

Иоасафа ссылают в Кириллов Белозерский монастырь, а на его место Шуйские возводят новгородского епископа Макария.

Организатор заговора Иван Васильевич Шуйский вскоре умирает; власть в стране переходит к олигархической группировке, состоящей из трёх его родственников – Ивана Михайловича и Андрея Михайловича Шуйских и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского. Возглавляет ее князь Андрей, ранее тесно связанный с удельным князем Юрием.

Весною следующего 1542 года старший сын крымского хана Саип-Гирея, калга Имин-Гирей напал на Северскую область, но был отражен воеводами. В августе того же года крымская конница ворвалась в Рязанскую землю. От боя с русскими полками под начальством князя Петра Пронского, крымцы уклонились и пошли назад. Воеводы из разных «украинских» (это слово тогда означало «пограничные», «окраинные») городов провожали их до Мечи. А на Куликовом поле русские сторожа, то есть пограничники, разгромили татарские арьергарды.

Но не будем особенно радоваться победным реляциям летописей – татары вошли на Русь, сделали свое дело и ушли, понеся небольшие потери. Крымцы избегали больших боестолкновений с русскими войсками, не хотели «переведаться силушкой». По сути, набеги на русские земли проходили у крымцев под рубрикой «экономика», а не «война», а кто хочет на работе сложить голову?

Меж тем боярская грызня продолжалась. 9 сентября 1543 г. трое Шуйских и их приближенные – князь Шкурлятев, князья Пронские, Кубенские, князь Палецкий и Алексей Басманов прямо на государственном совете в столовой избе, на глазах великого князя, начали избивать боярина Воронцова. С трудом митрополит Макарий предотвратил убийство. Воронцова вывели из дворца, снова били и отдали под стражу. Самодержец всероссийский присылал митрополита к гордым Шуйским и просил, чтобы Воронцова с сыном послали на службу в Коломну, если уж им нельзя оставаться в Москве. Но гордые олигархи не удовлетворили просьбу государя и сослали Воронцовых в Кострому. «И когда, – говорит летописец, – митрополит ходил от государя к Шуйским, Фома Головин у него на мантию наступал и разодрал ее».

Как пишет С. М. Соловьев: «по смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах, которые употребляли его только орудием для

своих корыстных целей; среди эгоистических стремлений людей, окружавших его, Иоанн был совершенно предоставлен самому себе, своему собственному эгоизму».

Фраза про «собственный эгоизм» выглядит странно. Любой человек в этом возрасте станет эгоистом, наблюдая свистопляску «чужого эгоизма» вокруг себя. В том числе и историк Соловьев. «Эгоизм» Ивана был прямым следствием ничем не обузданного засилья боярщины, имевшего прекрасную возможность проявить свои феодальные инстинкты.

История 1530–40-х гг. раз за разом показывают, что интересы России для крупных феодалов мало что значили. Если они и были храбры – то для себя, для своего возвышения. Но гораздо чаще они были честолюбивы и корыстны. Боярская верхушка покончила с великой княгиней, истребляла соперников, не церемонилась с церковными властями. Жизнь Ивану она пока сохраняла, потому что олигархи еще не воспринимали его всерьез, вернее использовали как прикрытие для своих игрищ. Решения олигархов, естественно, объявлялись народу как великокняжеские приказы. Однако, при первом же проявлении самостоятельной воли, Ивану угрожала бы смертельная опасность.

«Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; и детей боярских жаловали не за дело, верстали не по достоинству; из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро… Потом на города и села наскочили и *без милости пограбили жителей*, а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя; подчиненных всех сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами; думали, что правят и строят, а вместо того везде были только неправды и нестроения, *мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде*».

Почему-то историки всегда отмахиваются от этих слов Ивана Грозного из письма известному свободолюбцу князю Курбскому – мол, чего слушать кровопийцу. А меж тем в письме содержится очень емкая характеристика «боярских свобод».

Олигархические властители существовали за счет государства, за счет общества. Им не хватало их собственных вотчин, поэтому они использовали государство для высасывания соков из общества.

В начале 1540-х гг. страна оказалась в разгаре смуты.

Расхватав в кормление города и уезды, бояре обирали горожан. Олигархические кланы боролись друг с другом, «многие были между ними вражды за корысти и за родственников: всякий о своих делах печется, а не о государских, не о земских… И нача в них быти самолюбие и неправда и желание хищения чюжого имения… На своих другов восстающе, и домы их села себе притяжаша и сокровища свои наполниша неправедного богатства». В ходе боярского правления была расхищена даже государственная казна, и войско было не на что содержать. Воеводы ссорились за «места» и это их занимало больше, чем защита Руси от крымцев и казанцев.

Меж тем, в 1541 году, под натиском турок пала Венгрия; в битве под Будой янычары уничтожили 16 тысяч австрийских солдат. Никакого явного военно-технического преимущества Европы перед Османской державой не существовало, организационно же турки были сильнее. Султан Сулейман Великолепный считал себя повелителем всех мусульманских государств восточной Европы – Крымского, Астраханского и Казанского ханств, Ногайской Орды. Серьезное вражеское нашествие могло в любой момент превратить боярскую смуту в агонию русского государства.

Торможение смуты

И вдруг происходит чудо. Обычно псевдорики, вслед за Курбским, преподносят события 29 декабря 1543 г. как кошмарное преступление юного тирана. Для этого, конечно, надо сперва как следует позабыть всю историю предшествующих десяти лет. Удариться головой и забыть.

С 16 сентября до зимы 1543 г. Иван отсутствует в Москве. И сразу после его возвращения великокняжеские слуги убивают князя Андрея Шуйского, «прославившегося» разграблением Пскова. А ближайшее окружение князя Андрея – князь Федор Скопин-Шуйский, князя Юрий Темкин, Фома Головин, который позволил себе кощунственный поступок с митрополитом, и другие – высылается из Москвы.

Этот удар был внезапным, застал противников врасплох, ведь князья Шуйские располагали значительными военными силами.

Если докапываться до корней этого события, то становится ясно, что вряд ли 13-летний мальчик смог бы в одиночку справиться со всесильным князем Шуйским, возглавляющим могущественный феодальный клан.

Многие исследователи резонно полагают, что тринадцатилетний отрок Иван вообще не отдавал распоряжение по устранению князя Андрея Шуйского. Возможно, приказ о казни зарвавшегося олигарха пришел от митрополита Макарий, который с весны 1542 г. находился рядом с Иваном. Еще больше вероятность того, что приказ на уничтожение Шуйского поступил от Глинских, родственников царя по материнской линии.

Так или иначе, но уничтожение всесильного временщика явилось событием чрезвычайной важности. Если бы этого не произошло, то государство бы рухнуло не в 1605, а на шестьдесят лет раньше, причем без надежды на воскрешение. В 1543 г., в отличие от 1605, территория Московской Руси была в разы меньше, и существовал серьезный «казанский фронт». Не было еще таких мощных развитых районов как Север и Поволжье, которые в 1612 гг. фактически остановило Смуту. Скорее всего, великий князь при господстве Шуйских прожил бы недолго. Невозможно себе представить семнадцатилетнего Ивана, безропотно исполняющего указания боярской клики.

В 1543 г. уничтожением Андрея Шуйского смута еще не была завершена, но заторможена. Смертью князя Шуйского незамедлительно воспользовался клан Глинских, который стал наносить удары по ближайшему окружению Шуйских. Одного из князей Кубенских ссылают в Переяславль и сажают под стражу. (Иван Кубенский с братом Михайлом были важными участниками заговора против Бельских и митрополита Иоасафа.) По приказу Глинских подвергся опале и был арестован воспитатель великого князя И. И. Челяднин. Как свидетельствовал современник, дядьку царя «ободрали» донага. В ссылку отправился конюший боярин И. П. Челяднин-Федоров. Был казнен князь Федор Овчина-Оболенский – сын того самого Ивана Овчины-Оболенского, что являлся первым советником при великой княгине Елене и и отстранил от власти М. Л. Глинского.

Юный государь все еще являлся наблюдателем борьбы, которую ведут между собой олигархические силы. Нестроение государства и конфликты родовой аристократии по-прежнему используются внешними врагами.

В декабре 1544 г. на земли белевские и одоевские приходит крымский калга Имин-Гирей со своей ордой. Крымские войска не встречают никакого русского войска, потому что высокородные князья Щенятев, Шкурлятев и М. Воротынский «рассорились за места» и, ввиду особой важности этого занятия, вообще не выступили против крымцев. Такую степень вольности феодалов представить трудно в любой европейской стране. Князья не исполнили

поручение государя о защите русских земель по одной причине – не смогли определить, кто из них родовитее и должен командовать остальными.

Пока вельможи толковали по понятиям, крымцы, окончательно поняв, что войны не будет, развернули орду веером и занялись работой. Рубили с потягом тех мужиков, что пытались защитить свои семьи, скручивали сыромятными ремнями слабые руки подростков, запихивали в седельные корзины ревущих малышей.

А потом довольный Имин-Гирей вместе со своей счастливой ордой лег на обратный курс, гоня к Перекопу стонущий, плачущий ясырь.

Летописи ничего сообщают о том, что князья как-то переживали о своем поступке. Ведь с точки зрения аристократической морали каждый их них был по-своему прав.

По завершению столь удачного набега хан отписал великому князю: «Король (то есть, Сигизмунд) дает мне по 15 000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться – и то в твоих же руках; до сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее?» Хан ясно дает понять юному Ивану, что с такими воеводами дешевле будет платить дань.

В 1546 г. состоялся первый для Ивана военный поход под Коломну, с целью «береженья от татар» – после получения сообщения, что крымский хан идет к «берегу».

В том весеннем походе пятнадцатилетний великий князь еще не командует войсками и не занимается государственными делами. Крымцы, прознав о выступлении русских войск к южным границам, отложили свой набег на Русь. Летопись сообщает, что великий князь помогал местным жителям в их полевых работах.

В мае 1546, в Коломне, случился и эпизод, выдаваемый псевдориками за свидетельство врожденной жестокости Ивана – впрочем, мы знаем его описание из далеко не нейтральных источников.

Великий князь, выехавший за город, был остановлен группой вооруженных новгородских пищальников, которые стали о чем-то бить ему челом. Можно себе представить смущение подростка при виде толпы возбужденных и до зубов вооруженных мужчин – он, наверное, хорошо помнил об участии новгородцев в заговоре, который привел к власти Шуйских. Великий князь велел пищальникам удалиться. Те удаляться не захотели. Настолько не захотели, что начали драться с дворянами из охраны великого князя. Дворяне бились холодным оружием, пищальники стреляли из огнестрельного, с обеих сторон погибло по 5–6 человек, тем временем великий князь добирался до стана окольной дорогой.

Расследовать инцидент Иван поручил незнатному человеку, дьяку Василию Захарову. Великий князь уже начал приближать к себе новых неродовитых людей, служилых интеллигентов-дьяков.

По результатам расследования Захаров доложил, что пищальники действовали по наущению князя Кубенского и бояр из рода Воронцовых, Федора и Василия Михайловичей. Великий князь велел казнить Кубенского и двоих Воронцовых, как вследствие нового обвинения, так и по прежним их преступлениям, за мздоимство во многих государских и земских делах. Смею предположить, что пищальники, столь легко пустившие в ход оружие, действительно могли быть подосланы заговорщиками.

Завершение смуты

16 января 1547 года шестнадцатилетний отрок Иван венчался на царство, приняв титул царя. До этого царями на Руси называли только могущественных иноземных правителей, византийских императоров, ханов Золотой орды, казанских и крымских ханов. Образованный юноша, каким был Иван, подчеркивал этим свою преемственность правителям Восточно-Римской империи, которая была разорена католиками в 1204 и рухнула в 1453 г. под натиском турок. Царский титул, также как и эллинизированное название государства – «российское», должно было ясно показать, что Москва осталась единственным оплотом православного христианства. А титул «государя всея Руси» означал, что наследник великого Рима является также наследником древнерусских Рюриковичей. Очевидно, что в многосмысловом слове «Русь» в XVI веке еще сохранилось и его первоначальное значение. Это значение относится не к земле, которой владели древние Рюриковичи, не к народу, который жил на этих землях, а к правящему классу, господствовавшему на этих землях. Названия же земель, владеемых Иваном, перечислялись отдельно – московская, югорская и т. д. Таким образом, титулом «государь всея Руси» Иван подчеркивал, что вся знать русского корня, неважно, где она находится, в Москве или Киеве, должна признать его верховную власть.

Уже в 16 лет Иван поставил своей целью отнюдь не бессмысленный захват каких-то там земель, а исправление того зла, которое было нанесено русскому народу в XIII–XV веках, когда Русь была разгромлена и разделена иноземными завоевателями. Собирание земель означало и возвращение прежнего геополитического и геоэкономического состояния, когда русские правители контролировали важнейшие транзитные пути «север-юг», когда у Руси были выходы к морям и контроль над плодородными черноземными почвами.

Вскоре за принятием царского титула, Иван выбрал себе невесту (о намерении жениться он объявил митрополиту Макарию 13 декабря 1546 года). Выбор пал на девушку из одного из самых древних московских боярских родов, которые, в целом, были оттеснены от трона литовско-русскими князьми, нахлынувшими в Москву при Иване III и Василиий III.

Это была Анастасия, дочь покойного окольничего Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянница боярина Михаила Юрьевича, что находился в ближайшем окружении великого князя Василия.

Здравствующий глава рода Захарьиных, Григорий Юрьевич, не был связан ни с Шуйскими, ни с Бельскими, ни с Глинскими, и никак не упоминается в описаниях боярских усобиц. А вот в глазах высокородных князей, Анастасия была никем и, проявляя всю княжескую учтивность, они называли ее «рабой», то есть холопкой.

Если учесть нежные чувства («недомостроевские», по выражению Соловьева), который испытывал Иван по отношению к Анастасии на протяжении всего их брака, то это был союз по любви. А для княжеской верхушки женитьба Ивана на нетитулованной Анастасии Захарьиной была символом неблагоприятных перемен, царь тем самым «изтеснил» знать.

3 февраля 1547 состоялась царская свадьба. А потом потянулась цепочка техногенных катастроф, в которой нельзя не усмотреть руку опытного режиссера.

12 апреля вспыхивает сильный пожар в Москве.

20-го числа случается еще один масштабный пожар.

3 июня падает большой колокол-благовестник.

21 июня произошел новый пожар, который нанес катастрофические разрушения городу. При сильном ветре загорелась – или была подожжена – церковь Воздвижения на Арбате. На факт поджога указывает и то, что этот пожар начался в «10 час дни» (12.30), также как и пожар 20 апреля.

Китай-город сгорел. Выгорели все постройки вплоть до Москвы-реки у Семчинского сельца. Затем пожар охватил Кремль, загорелся Успенский собор, крыши теремов на царском дворе, казенный двор, Благовещенский собор, хлебные житницы, Оружейная палата, Постельная палата, где находилась казна, двор митрополита. В церквях из-за пожара погибло все имущество, которое хранили там люди с начала боярских усобиц. Всего выгорело 25 тысяч дворов, от огня погибло 2700 человек (по некоторым данным 3700). Более 80 тысяч (!) москвичей лишилось крова.

«Правдоискатель» Курбский не долго размышляет о загадочных обстоятельствах пожара: «Но когда стал он (Иван IV) превосходить меру в бесчисленных своих преступлениях, то господь, смиряя его свирепость, послал на великий город Москву громадный пожар». А следом за «очевидным божьим гневом», по мнению Курбского, последовало «всенародное возмущение». Ну, если верить всему тому, что написано первым российским беллетристом про детство и юность Ивана IV, то на Москву мог бы упасть и небосвод…

Можно представить себе психическое состояние уцелевших москвичей, готовых поверить любому слуху. Информационная зараза не заставила себя долго ждать. Распространившиеся слухи обвинили в пожаре родственников царя – Глинских. За этими обвинениями явно стояли противники Глинских, которых надо искать в первую очередь среди Шуйских и их соратников.

23 июня, во время посещения царем и боярами митрополита Макария в Новинском монастыре, ряд бояр (князь Федор Скопин-Шуйский, князь Юрий Темкин, Иван Петрович Челяднин-Федоров, Григорий Юрьевич Захарьин, Федор Нагой), а также благовещенский священник Федор Бармин стали на просвещенный европейский манер обвинять в пожаре злых волховательниц, ведьм. (Чувствуются плоды учености из Германии туманной – труд профессоров Шпренгера и Инститориса «Молот ведьм»). Эти бояре и протопоп Федор оказались в составе комиссии, которой надлежало произвести расследование причин пожара.

Следователи-бояре подошли к делу сознательно и не стали тратить время зря, на скучную розыскную работу. 26-го июня они «приехали к Пречистой к соборной на площадь» и незатейливо спросили толпу: «хто зажигал Москву». Заранее подученная толпа с готовностью закричала: «княгиня Анна Глинская з своими детми и с людми влховала», она, дескать «*сорокой летала* да зажигала».[13]

Затем московская чернь (как и во все времена легко поддающаяся самым нелепым слухам) растерзала князя Юрия Глинского. По одним сведениям это произошло в церкви Пречистой богородицы, по другим князь Юрий находился вместе с боярами на площади, не догадываясь о той участи, которую ему готовят оппоненты. Вслед за князем Юрием было убито и множество других людей – тех, кого приняли за сторонников и слуг Глинских.

Через два дня после линчевания Юрия Глинского толпа пришла в село Воробьево, к царскому дворцу, и потребовала, чтобы государь выдал им на расправу свою бабушку, княгиню Анну Глинскую и сына ее, князя Михаила, которые, по мнению гостей, прятались в царских покоях. Вместе с ними пришел и городской палач, очевидно готовый немедля сделать свою работу.

Фактически произошло слегка закамуфлированное покушении на членов царского дома, что не укрылось от проницательных современников. Летописец называет имена организаторов «народного возмущения» – всё тех же бояр, что были задействованы в сыске, и благовещенского протопопа Бармина. Наверное, не все организаторы бунта пытались поставить под удар самого великого князя – зачем это Захарьину, родственнику царицы? Однако среди них, наверняка, находились люди, которые могли иметь далеко идущий план действий, направленный на уничтожение царя и его семьи в атмосфере «управляемого хаоса», так ска-

[13] Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Продолжение. М.,2000, с. 456.

зать, под шумок. К ним могли относиться и Федор Скопин-Шуйский, и князь Юрий Темкин, и Иван Федоров-Челяднин – люди, близкие клану Шуйских.

Очевидно, что, покажи Иван слабость, то буйство толпы было бы направлено непосредственно на него. Но молодой царь, проявив самообладание, поступил единственно правильным образом – приказал схватить главарей толпы. Никаких массовых расправ не было. «Князь же великий… узрев множество людей, удивися и ужасеся, и обыскав, (по чьему) повелению приидоша (они), и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати», остальные же могли беспрепятственно вернуться в Москву.

По мнению И. Я. Фроянова, срежиссированное бедствие 1547 снова подняло наверх олигархическую группировку, связанную с Шуйскими. К ней относился и поп Сильвестр. Благовещенский протопоп Федор Бармин, отличившийся в борьбе с ведьмами а-ля инквизиция, служил в одном соборе вместе с Сильвестром.

Не смотря на то, что буйство толпы было направлено одной боярской группировкой против другой, в целом накал возмущения показывал недовольство московского люда боярским правлением. Надо учесть, что, в отличие от Новгорода, московское простонародье от самого основания московского княжества никогда не выступало против властей. И то, что теперь оно оказалось столь легко на подъем, указывало на необходимость перемен.

Для молодого царя настал момент истины, выбора пути для себя и для всей страны. Или идти проторенной дорогой, оставляя страну во власти бояр, или быстро преступить к реформам.

Предоставим слово самому Ивану Васильевичу: «Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал дурного по грехам молодости моей. Прежде всего смирил меня бог, отнял у меня отца, а у вас пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая вид, что мне доброхотствуют, а на самом деле доискиваясь самовластия, в помрачении ума своего дерзнули схватить и умертвить братьев отца моего (имеются в виду князья Юрий и Андрей). По смерти матери моей бояре самовластно владели царством; по моим грехам, сиротству и молодости много людей погибло в междоусобной брани».

По мнению Ивана, дурное в стране, в том числе и боярская смута, происходила по грехам его молодости – но не будем воспринимать это буквально. Нормальный православный человек в XVI веке мыслил свое существование в некоем моральном космосе, где всё, что с ним случалось, рассматривались, как реакция Господа Бога на его мысли и поступки. И если Курбский взваливает всю вину за все дурное, происходившее в стране, на своего политического противника, это только показывает, насколько уже «объевропеился» наш первый диссидент, насколько приемчики западной пропаганды для него ближе, чем традиционное православное мироощущение.

Судьбе было угодно, чтобы Иван столь рано столкнулся с привычками и нравами родовой аристократии. На его глазах проявляется «самовластье» бояр, которые, не медля, пользуются ослаблением верховной власти для достижения целей, которые они считают моральными и правильными – личного обогащения, усиления своих кланов и, как у Шуйских, приближения к царскому венцу.

Люди с мышлением криминальных авторитетов спокойно ввергали страну в феодальную усобицу. Да простят меня пуристы, но мне эти князья напоминают лидеров организованных преступных группировок, и мышление у них по «по понятиям», а не по закону. Недаром некоторые исследователи видят в современной организованном криминалитете атавизмы феодальных отношений.

Ни один из княжеский кланов не был даже способен представить интересы всего аристократического сословия, так что организацией сословного представительства будет вскоре заниматься верховная власть.

Князья суздальские, ростовские, ярославские, смоленские, белевские боролись только за себя и не встречали никакого сочувствия со стороны населения своих «малых родин». Аристократия уже не представляли интересы земель, из которых они произошли. За Шуйских не вставали суздальцы и нижегородцы, кровно заинтересовано в крепком едином государстве. Еще меньше поддержки в народе имели Глинские и Бельские, кланы литовского происхождения.

Народ видит в князьях и боярской верхушке лишь тех, кто считает «прирожденным правом своим кормиться на счет вверенного им народонаселения, и кормиться как можно сытнее».[14] И в этом серьезные историки видят один узлов русской истории, который не мог быть распутан каким-то деликатным способом.

В 1547 происходят и важные внешнеполитические события, связанные с миссией Шлитте – этот саксонский немец, по поручению великого князя, нанял в Германии для работы в России более ста человек; однако все завербованные специалисты были задержаны в ганзейском Любеке по требованию ливонских властей. И в этом опять виден исторический узел – культурному и торговому обмену России с миром упорно мешают соседние западные государства.

В зиму 1547/1548 происходит очередной неудачный поход московского войска на казанского хана – русские ходили «к Казани горнею стороною». И опять боярские начальники войска оказались не на высоте, словно единственной их целью было поставить галочку «поход проведен».

«Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению?» – спрашивал позднее Грозный у Курбского.

А осенью 1548 опять случился набег казанских войск, разоривший русские земли к северо-востоку от Москвы. И опять перед царем узел русской истории. Московское государство, собрав многие русские земли во времена правления Ивана III и Василия III, и вследствие этого обладавшее крайне протяженными сухопутными границами, не защищено никакими естественными преградами от вражеских нападений.

Все более давал о себе знать экосоциальный кризис. В 1548–1549 голод охватил все северные районы страны.

И вот молодой царь принимает стратегические решения. Так дальше жить нельзя, значит, нужны быстрые и решительные реформы на всех направлениях.

Собственно в 1548 завершается смута, начавшаяся со смертью Василия III. Завершена она была Земским собором (также как и Смутное Время начала 17 в.). И это был первый Земский собор в истории Руси.

К концу 1548, когда началось «собрание всей земли», царь Иван подошел вовсе не юным деспотом и садистом, как изображают Курбский и Карамзин, а человеком, осмысливающим роль своей страны в мире, в божественном миропорядке.

Во времена Василия III псковский старец Филофей в послании набожному государеву дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину описывает концепцию «Москвы – Третьего Рима». «Ромейское царство» – центральный образ религиозно-мистической концепции Филофея. С помощью этого образа он объявляет Московскую Русь единственной истинной хранительницей всемирного христианства и записывает свою знаменитую формулу: «Яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася (сошлись) во едино царство нашего Государя, по пророческим книгам то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а *третии стоит*, а четвертому не быти».

Филофей исходит из византийского церковного учения X века об «удерживающем теперь», то есть государстве, способном явиться преградой приходу антихриста. Позднее

[14] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6. М., 2001, с.585.

оно было оформлено византийскими учеными в виде учения о Roma mobilis, «движущемся Риме»: роль «удерживающего теперь» может перейти от одного христианского царства к другому, его преемнику.

Для Ивана принятие концепции «Третьего Рима» вовсе не означает немедленного начала борьбы за освобождение земель «Второго Рима» от власти иноверцев. Мысли Филофея он понимает, как необходимость воплощения высокого идеала христианского государства.

Некоторые историки предполагают, что на первом Земском соборе были представлены не все сословия, впрочем, никак не обосновывая свое мнение, другие вообще игнорируют проведение этого собрания. (Среди игнорантов находится Э. Радзинский, модный драматург, переквалифицировавшийся в историка ради того, чтобы поразить отечественную и западную публику «ужасами деспотизма».) Некоторые историки путают Земский собор с церковным, состоявшимся позже. Тем не менее, самый серьезный исследователь земского строя на Руси, проф. И. Д. Беляев, считал, что на соборе были представлены все сословия, и царь учел нужды всех сословий.

Когда выборные представители земли собрались в Москве, Иван в воскресный день вышел с крестами на Лобное место. В его обращении к митрополиту были такие слова: «Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери – осьми; родственники о мне не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись… О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови сей, ожидайте воздаяния своего».

Поклонившись на все стороны народу, Иван сказал: «Люди божии и нам дарованные богом! Молю вашу веру к богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства неправедного, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел: в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Из слов царя, сказанных на Лобном месте, мы видим – молодой царь понимал, что в стране нужна другая система правления и суда. Правление и суд должны осуществляться не в интересах узкого круга жадных и эгоистичных аристократов, а в интересах массовых общественных групп. Причем, как на местах, в волостях и городах, так и в центре. Между царем и народом больше не должны не стоять «запирающие» слои феодальной знати. И в то же время прозвучал призыв к примирению высших и низших сословий, к их совместной работе на благо государства.

Дней Ивановых прекрасное начало. Реформы

Курбский, за ним Карамзин, а там и такие бойкие сочинители, как Радзинский, приписывают первый этап деятельности царя Ивана влиянию избранного кружка бояр.

Курбский называет этот кружок, уже находясь на польско-иммигрантских хлебах, польским словцом «рада». Дескать, тиран, буйствующий и злобствующий лет с десяти, вдруг встретился с попом Сильвестром и как будто впал в анабиоз. Вследствие этого аристократы, и примкнувший к ним Алексей Адашев, в общем, мудрейшие из мудрых, стали оказывать Руси всяческие благодеяния. И так бы и оказывали, да только тиран вдруг из спячки вышел и начал убивать всех подряд.

В рассказе этом всячески затушевывается вопрос, а почему это мудрейшие из мудрых не могли собраться раньше, лет на десять. Почему сии достославные мужи не начали наносить благо Руси еще в середине 1530-х годов?

Последовательные преобразования, направленные на дальнейшее развитие единого Русского государства, не могли быть предприняты кучкой титулованных аристократов и их обслугой. Укрепление централизованного государства не могло осуществляться правящей верхушкой, сформированной в предыдущую эпоху феодального дробления. Эпоха боярщины 1533–1547 наглядно показала, что родовитость хороша для доказательства своих прав на господство, а для реального управления страной необходимы люди, обладающие личными, а не родовыми достоинствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.